

СИГНАЛЬНЫЙ
ЭКВЕМПЛЯР

СМЕНА

13

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Замедлалас нас Тайга Замедлалас...

Слова А. ТОЛМАЧЕВА

Музыка В. КИРИНА

Там шумят величавые недры
и могучие реки бурлят.
Там повсюду упрятала в недрах
драгоценные клады земля.

И надежных друзей ожидает
этот сказочный край-богатый.
Замедлалас нас тайга золотая,
замедлалас нас родная Сибирь!

Собираются привыкли мы скоро,
Новосельский билет на груди.
И приветливо все светофоры
нам желают удачи в пути.

Обожнет наши лица пургою,
будут суги для нас короткою...
Засниют огни над тайгою,
запоют заводские гудки.

И суровые земли все краше
расцветают будут намедней весной.
Мы доверие партии нашей
оправдаем, товарищ, с тобой.

С нетерпением нас ожидает
этот сказочный край-богатый.
Замедлалас нас тайга золотая,
замедлалас нас родная Сибирь!

Фото В. Гиппенрейтера.

Умеренно

4. Там шу...

...мет ре. ли. ча. вы... е кед. ра и мо. гу. чи. е ре. ки бур. лят. Там па...

...всю ду у. при. та. ла в недрах дра. го. щих. ны. е кла. ды зем. ля. И на...

...дежила друиой а. жи. да. от а. тоу ска. жон. мой край. бо. га. та. Замедла...

...лась нас тайга зо. ло. та. я, замедла. лась нас родная. Си. бирь. Замедла...

...лась нас тайга зо. ло. та. я, замедла. лась нас родная. Си. бирь. а. Си. би...

(Сильно)

На дела великие

—Мы живем в такое время, когда трудно усидеть на месте». В этих словах сказаны духом товарищ завода «Красный пролетарий» Игорем Самаряевым, ярко выразилось то настроение, которым охвачены сердца молодых патриотов, изываемых, меляные по зову партии поехать на стройки в восточные и северные районы страны.

Детят поездов, звенят песни, огибают картины металловыя кости наших отцов — стрелитовый Магнитогорск и Кузнецка, Комсомольска-на-Амуре и Уральского завода тяжёлого машиностроения, оросителей Сахалина и создателей второй угольно-металлургической базы нашей Родины.

Судьбы комсомольцев первых пятилеток, их героический труд служат для нашего поколения высочайшим примером. В те годы было во стократ труднее: не хватало топлива, квалифицированных специалистов. В сорокагодовые, вразылились в мерзлую землю эти суровые великие труженики, создавая наше сегодня. Известен случай, когда на строительстве Магнитогорского металлургического завода потребовали два месяца для того, чтобы закончить монтаж котла и турбины в 12 тысяч киловатт. Ужась об этом, комсомольцы решили выполнить эту работу за двадцать дней. И слово свое они сдержали.

О высоких нравственных качествах этих людей говорит такой пример из истории освоения Сахалина. Первые группы добровольцев пришли туда в 1939 году. Они юрчались тайгу, строили предприятия и жили в холодных палатках. Когда же они выстроили для себя жилища дома, то прибыла новая группа комсомольцев, среди которых были девушки. И вот юноши, которые, надо прямо сказать, уже подвояра не удерживали, не задумываясь, вернулись в палатки, предоставив теплые квартиры для девушек. Так поступают люди Большой Души, настоящие рыцари нашего века.

Когда вы задумывались о сотнях подобных примеров, то становится понятным, почему эти люди мечту превратили в быль, почему оказалось в их власти творить чудеса.

Нынешний план освоения дальних районов нашей необъятной Родины поражает своей широтой, размахом. Партия и правительство повзвали на постоянную работу в восточные и северные районы страны сотни тысяч молодых патриотов. Несколько тысяч комсомольцев уже уехали в Магаданскую область. Это огромный край, на территории которого воды бы разместились несколько государств Европы. В недрах этой суровой земли, кроме неисчерпаемых запасов каменного угля, есть олово, синие, вольфрам, золото, молибден и другие металлы. Какие поля для приложения сил молодых?

А Сибирь! Еще Радищев писал о ней: «Итак только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летящих мечах».

Многие тысячи добровольцев едут на Ангару, эту «жемчужину энергетики». Комсомольцы принят участия в сооружении знаменитой Братской ГЭС, которая будет давать 22 миллиарда киловатт-часов электроэнергии в год — столько, сколько Сталинградская и Кубышевская ГЭС, вместе взятые. Чтобы получить такое количество энергии, потребовалось бы сжечь в год 10 миллионов тонн угля.

Полным ходом на Ангаре идет сооружение Иркутской ГЭС. Но энергетические возможности этой реки далеко не исчерпаны. Понятно, что если бы соединить в одном русле воды Волги, Камы, Днепра и Дона, то и тогда они не сравнялись бы с Ангарой. А красавец Енисей по сравнению с ними энергии превосходит Ангару. Здесь начато сооружение Красноярской ГЭС мощностью 3 миллиона 200 тысяч киловатт-часов. В ближайшие годы намечено строительство Енисейской ГЭС мощностью в 3 миллиона киловатт. Всего Енисей может дать столько электроэнергии, сколько сейчас вырабатывают Англия и Франция, вместе взятые.

Великие энергетические ресурсы Сибири и Дальнего Востока, мощные природные богатства, вера партии и энтузиазм молодых патриотов — всё это делает реальным предначертания шестого пятилетнего плана, предусматривающего создать здесь, в течение 10—15 лет третью металлургическую базу страны, с производством 15—20 миллионов тонн чугуна в год.

На дела великие едут юные патриоты по зову родной партии. Они выполнят свой долг!

На снимках (сверху вниз): 1. Первая группа молодых патриотов прибыла на строительство Красноярской ГЭС. 2. На Красноярском вокзале жители города встречают посланцев Москвы. 3. Они будут работать на шахтах Донбасса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОТМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 13. 1956 год.

Год
издания
33-4

Едем

Фото А. Мондеева.

Из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, из больших и малых городов отправляются в эти дни шестолы с алыми транспарантами: «На Восток, на Север зовет нас Родина!». Это по призыву партии едет молодежь на стройки Сибири, Востока и Крайнего Севера.

Сейчас от перрона Казанского вокзала отойдет еще один шестол. Свыше восьмисот московской едут работать в Норильск.

До отправления поезда остаются считанные минуты, а как много хочется сказать другу, еще раз крепко обнять мать, шепнуть ей ободряющие слова!

Кому не знакомы переживания перед дальней дорогой! Уложив вещи и устроившись поудобнее у окна, ты смотришь на бегущие мимо леса, луга, телеграфные столбы. Кажется, и мысль твоя летит вслед за ними, в прошлое. Что оставил ты в том прошлом, с которым простился полчаса назад? Что тебе дорого в нем, от чего ты отказался бы, начиная жизнь заново?

Такие или почти такие мысли приходили в голову Николаю Шурову, да и не ему одному. Впереди будущее, оно может быть прекрасным; все зависит от самого человека. В эти минуты ядуть становится явнее прошлые годы.

Война прервала детство Николая Шурова. Окончив пятый класс, он пришел на Московский автоагрегатный завод. Худощавый, невзыскан, он выглядел еще совсем мальчишкой. Куда вам тогда! Тебе еще на лавочке скакать, а не работать! — с досадой проговорил начальник отдела кадров, однако записил Колю учеником электромонтера.

С той поры прошло тринадцать лет. Николай вырос, возмужал. Теперь в нем никто бы не узнал подростка, растерянно озирающегося в шумных заводских цехах. Из робкого новичка он превратился в бывшего рабочего, почувствовал себя хозяином в цехе. На заводе он стал продолжать учебу. Трудно было после восьми часов работы в литейном цехе садит-

ся за парту в школе рабочей молодежи, отрывая время от сна, отказывая себе в развлечениях. Трудно, но надо. Николай учился, поднимался со ступеньки на ступеньку к знаниям и одновременно овладевая специальностью пирамиста. Комсомольцы Автоагрегатного выбрали его секретарем комитета ВЛКСМ.

Минувший год был для Николая знаменательным: почти одновременно с аттестатом зрелости ему вручили карточку кандидата КПСС. Шуров стал готовиться к поступлению в вечерний институт...

И вот 18 мая 1956 года. По всем цехам завода идет обсуждение обращения ЦК КПСС и Совета Министров СССР к советской молодежи. Николай выступал в том же цехе, то в другом, отвечал на вопросы, принимал заявления, подписывал характеристики — рекомендации для оборонной комиссии.

И всякий раз, над каждым заявлением Николай задумывался. Легко дать рекомендацию товарищу, труднее подписаться под собственным заявлением. А Николай привык быть всегда впереди, он знал: если в жизни замедлишь шаг, то неизбежно отстанешь.

Решение пришло не сразу; но хорошо обдумав его, все взвесив, и вот наконец заявление подано. Осталось самое главное, без чего не уйдешь со спокойным сердцем: подготовить мать. Отец, тот быстрее поймет, поддержит, а с мамой будет нелегко.

Несколько вечеров Шуров провёл в библиотеке имени В. И. Ленина: перепечатал все литературу о Севере, о Норильске, куда он получил назначение.

Разговор с матерью он начал издалека: — Значешь, мама, что у нас на заводе делается? Просто завалили заявлениями: очень многие хотят ехать на Восток и Север. Мы строго отбираем. Только самых лучших пошлем... Там крепкие нужны люди. Вот у нас есть Аня Рубын, слесарь-сборщик, комсорг. Ее старший брат строил Комсомольск-на-Аму-

ре. А теперь Аня, вместе с другим своим братом, Анатолием, едет на Север, в Норильск. И мать их отпускает... Я тоже думаю поехать...

И Николай торопливо выложил матери все то, что вычитал в книгах об этих далеких краях. Долго пришлось сыну уговаривать и успокаивать мать. Выручил отец, который уже давно знал, что сын решил поехать.

— Не горюй, мать, — стал утешать он ее: — Соколу крылья не связать! А будет он всю жизнь возле тебя сидеть — лететь разучится, а мокрую курицу превратится. Пусть едет — свет посмотрит, себя покажет. Да и нелегко ему от своего косьма отбываться: девушки едут, помолодежь его парнишки, а он, как ни говори, комсомольский вождь...

После этого разговора сборы пошли быстрее. Мать хотя и вздыхала и утирала слезы утрадкой, но сама злалась сдерживать сына

Норильск

в дальнюю дорогу. До отъезда оставалось несколько дней. Николаю предстояло еще сдать свою бригаду пирометристов новому секретариату, а комсомольские дела — новому сверстнику. Да мало ли хлопот перед таким решительным шагом!

Для дорожных документов получил Коля Шуров накануне отъезда: комсомольскую путевку и билет члена Коммунистической партии Советского Союза. Он уезжал в Сибирь коммунистом, как когда-то, лет пятнадцать назад, его отец уходил на фронт с только что полученным партийным билетом.

...Трудно, конечно, расстаться с любимым городом, с родными и друзьями, с заводом. Некоторые товарищи говорили Шуроу: «От добра добра не ищут. Ну зачем ты поедешь? Здесь ты бригадир, зарабатываешь прилично, квартира есть, в институте будешь учиться. А там? Все новое, неизвестное. Надо будет жизнь начинать сначала».

И в этих словах была какая-то правда, правда осторожных и сомневающихся. Но в Николае жила другая правда, большая и сильная, завладевшая им на передний край, туда, где всегда кружево умелые руки и горячее сердце. Пусть к горлу подкатит горный комок, когда последний раз обойдешь цехи родного завода, когда целовал мокрые щеки матери и до боли сидел в подернутую предвзвешанной дымкой Москву, смотрел на мальчишеские столбы, бесстрастно отсчитывающие километры... Пусть! Вперед! Новые дела, большие дела, и ты же жалеешь, что сел в этот поезд.

Да ты и не один. Вондут тебя москвичи. Москву ты увезешь с собой! Там, на Севере, на необжитых просторах, вырастут новые города. И завод ты тоже увезешь с собой, ибо завод — это не только станки, это прежде всего люди. Вместе с тобой едут юноши и девушки, твои сверстники. Здесь и ученица Нада Дорнина, и слесарь Аня Рубан, и токарь Толя Арефьев, Боря Громов, Коля Кокорев, Юра Дворовников. Вот на краешке скамьи пристроились Тамара Ромашина и Валья Губарева, а у окна прижмулся Миша Тюркин.

Николай откидывает со лба упрямую прядь волос и повеселевшим глазами смотрит на друзей.

А поезд спешит. Часто-часто стучат колеса, и мысли Николая устремляются вдаль.

До свидания, Москва! Мы еще не раз увидимся с тобой! Может быть, через год, обаянием и ледяными ветрами, мы войдем в светлый Кремлевский дворец, чтобы с высокой трибуны отпраздновать партию о своей новой победе.

До свидания, Москва! Здравствуй, далекий Север!

Вл. ЛЮБОВЦЕВ

Фото Г. Консовского и А. Мамыкина.

Несмотря на свою молодость, Норильск по праву считается сейчас одним из культурных и промышленных центров Красноярского края. Особенно изменился облик города за последние годы. На снимке вверху вилка. 1. Одна из улиц Норильска. 2. Памятник В. И. Ленину на Октябрьской площади. 3. Пейзаж в окрестностях города.

Далеко за Полярным кругом, на 70-градусе северной широты, у подножия горы Шмидта, в Таймырской тундре советские люди построили одно из крупнейших предприятий цветной металлургии страны и город Норильск.

Богатства near этого края были известны и до революции, но не под силу капиталистической России было их освоение. В 1919 году Владимир Ильич Ленин направил на Таймыр группу геологов, которую возглавлял и ныне работающий в Норильске профессор Урванцев, почти полвека отдавший изучению Крайнего Севера.

Ни суровая природа Заполярья, ни холода, ни суровая пурга—ничто не могло препятствовать воле и энергии советских людей, начавших в 1941 году огромное строительство промышленных предприятий. В недрах горные троны были построены шахты, рудники и заводы, многие кварталы города, учебные и культурно-просвет-

ительные учреждения и самая северная в мире железная дорога, соединяющая наш город с центром Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа, восточным портом на реке Енисее — городом Дудинкой.

Сегодняшний Норильск — это большой город, с многотысячным населением, с красивыми, благоустроенными домами, с асфальтированными улицами, залитыми ярким элестрическим светом, особенно во время полярной ночи. К услугам нормириан драматической труппы, несколько театров, огромный спортивный зал, стадионы, парки. Чрезвычайно большое внимание уделяется у нас детям и молодежи. Многоотраслевные детские ясли обслуживают самых юных горожан, в десятках школ, построенных по последней слову техники, обучаются тысячи школьников, горно-металлургический техникум ежегодно выпускает сотни специалистов.

Наш молодой город растет и развивается. Шестой пятилетний план предусматривает огромное строительство в Норильске. Норильск ждет вас, молодые энтузиасты, чтобы с вашей помощью промышленность Крайнего Севера давала еще больше продукции нашей Родине!

Г. КОНСОВСКИЙ,
работник Норильского комбината.

Автор рассказа «Нядга выштрываёт спор» Григорий Ходжер — молодой талантливый писатель. Он родился в семье рыбака в 1929 году. Григорий Ходжер был участником третьего Всесоюзного съезда писателей.

Григорий ХОДЖЕР

НЯДГА

ВЫИРЫВАЕТ СПОР

Рассказ

На Сахалин я приезжал в командировку. Был там на рыбных промыслах, на заводских фермах, видел и слышал столько интересного, что решил написать роман. И я пишу. Мне хочется рассказать о моем маленьком народе — найагдах.

Вы, может, удивитесь и скажете: какие найагды на Сахалине? Они ведь живут на Амуре! Не удивляйтесь. В 1945 году, когда еще Сахалин стал советским, со всех концов нашей страны туда ехали люди: надо было осваивать остров.

Среди новоселов было много найагдов — рыболовов, охотников с обожженным солнцем и морозом лицами. Целые семьи покинули родные места, где жили деды и прадеды, и переехали на Сахалин. Отныне он стал их родным домом.

Вот об этом я и решил написать роман. Но скоро оказалось, что жить слишком щедро на подробности, да людей и события. Все в романе не охватишь. Вот, например, старый Нядга. Я о нем слышала в найагском рыбацком колхозе. Мне рассказывали о нем по крайней мере три десятка людей. Каждый добавлял свое, вспоминал какую-нибудь мелочь, словно знал еще несколько стезей в узор на полу халата. Сам Нядга остененино улыбался, отмалчивался, виновато поглядывая через очки. А очки — уж об этом-то не забывай упоминать никто из рассказывавших, — очки Нядга получил в premio, вместе с прекрасной дальнобойной винтовкой. Но как ни отмалчивался старый охотник, я скоро знал всю его историю так, будто сам был ее участником.

Но вот было, вымыслено, что в роман она не ложится. А написать мне о Нядге онеохотнее. Вот я и расскажу всю его историю по порядку.

1

Летний лов был кончен. Бригада Заксора ремонтировала невод. Можно было, конечно, починить невод и попозже: до весны он все равно не понадобится. Но хороший хитрец не отправил на склад рваную снасть. А Заксор был хороший хозяин, заботливый. Память у Заксора отличная, но для порядка он завел себе большую записную книжку в черном клеенчатом переплете и всегда носил ее с собой. Наклеил он складку бригаде:

— Запрячь у утра ремонтировать невод.

Тут зоркий бригадирский глаз приметил, что Михаил Перемко как будто собирается засопорить. Тогда Заксор быстро выгнал из бригады своего книжника и сразу раскрасил ее на рыбном месте. Это было удивительно, — бригадир никогда не листал записную книжку, а сразу открывал ее именно на той странице, какая требовалась.

— Вот, — показав на Михаилу раскрытую книжку, — тут записано.

Незнастно, хотел ли Михаил в действительности спорить с бригадиром, но, увидев книжку, он кинул головой. Всякий сознательный человек понимает, что план есть план. Раз записано, — надо делать.

Время близилось к обеду. Четверо из бригады оставили починку невода, пошли вытравить небольшую сеть, аведенную в реку еще с утра.

— А ты бы, Нядга, костер разложил, — сказал Заксор.

Нядга, кряхтя, распрямил спину: болячка поспина. Выжидая, когда брод пройдет, он стал оглядываться по сторонам.

Берега реки, плоские устья, выше по течению поднимались крутыми обрывами. Много на своем веку Нядга видел рек. Но моря он раньше никогда не видел и потому считал: не может быть в одном месте больше воды, чем в Амуре. Оказалось, может. Если бы Нядга был молодым и глаза у него были бы пружинки, соржеле, ну ждали он и тогда не увидел бы того берега? Нет, не увидел бы, наверное.

Нядга наломал сухого кустарника. Скоро веселый огонь запырлял по кучке хвороста. Михаил Перемко принес в ведре только что выловленную, еще живую рыбу. Тут была и корюшка, и навага, и камбала.

Варить уху полагалось младшему, и Михаил начал хозяйничать.

Нядга покуривал трубку. От кострашло приятное тепло. Старик наслаждался недолгим отдыхом, и ему захотелось поговорить.

— Ну, молодой рыбак, какой ухой нас будешь угощать сегодня — домашней или найагской рыбачьей?

— Я этого не понимаю, сварится — есть будем, — отозвался Михаил, складывая рыбу в ведро.

Ну так послушай меня, старого. Когда я слышу урчу в котел, я уже знаю, что буду варить — буду или кашу. На буду горсть крупы засыпано, на кашу — десять. На домашнюю уху надо огонь пожарче, чтобы рыба разварилась до костей. А рыбачья найагская — первый бульер, выскот, снимай с тагана: готово.

Уху сварили по-рыбачьи, и вскоре все бригада сидела у костра. Люди проголодались, ели мочо, десовито. Нядга только собрался похвастать ложкой из ведра тушорной навагу, как вдруг у самого берега из воды бесшумно вынырнула большая рыба голова с вытаращенными глазами. Ложка выскользнула

из рук и, звякнув, потонула в воде. А пера, плеснув хвостом, скрылась под водой.

— Я подумал, сам водной выдел, — пытался скрыть смущение, шутило оправдывался Нядга под дружный смех всей бригады.

Михаил принялся своей ложкой вылавливать уплывшую пошку Нядга.

— Кому-кому, а тебе, Нядга, не стоило бы пугаться. Ты у нас по перам знаменитый охотник.

Пытаясь растерянно заморгать глазами. Все сразу поняли, на что намекал Михаил.

Дело это случилось еще в прошлом году. Однажды на рассвете Нядга разбудил чуть не половину колхоза.

Я перу ухбал! — кричал он, стуча в одно окошко за другим. — Помогите до дому дотащить.

Бить перу еще никому не приходилось. Все выскочило на крик старика и побежало за ним на берег. На прибрежном песке и в самом деле, безжизненно раскинув лапы, лежала большая пера.

— А Нядга торопливо рассказывал: — Иду это я по берегу, у меня сеть с вечера поставлена была. Думаю, пока старуха еще спит, принесу рыбка свежень. Выжу, валяется на песке большое бревно. Опять-таки, думаю, бревно в хозяйство пригодится. Хотел было оттолкнуть его подалнее, чтобы прилеком плавал в море не унесло, пока я в рабы хожу. А оно как вдруг зашевелилось! Испугался я: зачем бревно шевелится? Присмотрелся, а это пера. Ружья с собой нет. Подбежал я к ней и ударил снапом по носу. Старый Нядга выскочил из окошка, а пера сейчас дала в носу. Сраза сломала пера. Хорошо, что я в тот утор кожанные сапоги надела.

Рыбаки хохотали Нядгу по плечу, разглядывали перу.

Вдруг Голо Одзэл спросил старика:

— Говоришь, сапом по носу ударила? А почему задние лапы у нее раздвинулись?

И тут все увидели: на песке ясно отпечатался след новых попрышек тяжелого огузальника.

Дружачий кот разбежал по берегу.

— Жаль, моя бабушка поранить не подлая, — захлебываясь, сказал Михаил Перемко, — а то бы она стала перам переплыв охотником.

Во на какую историю намекал молодой рыбак.

— Ой, Михаил, — сказал Нядга, — не будь у тебя такого строго языка, тебя бы воронам исследали! А лучше, когда у человека не язык, а ты острый.

Михаил не любил, чтобы последнее слово принадлежало за кем-нибудь другим; он собрался что-то ответить, но в это время на реке поплыли перья. Они поплыли по течению в погоне за косяками корюшки, которая шла в верховья на перест.

— Смотришь, сколько их! — сказал Голо Одзэл. — Хорошо бы нам зимнего жару заставить. Он оловом, оловом, злоданд. Ну, да разве мы не охотник? Запасем.

— Особоно, если так, как Нядга, стрелять: картьель валео, картьель вправо, зверь посредине! — подхватил неугомонный Михаил.

В последние годы Нядга и впрямь стал плохо видеть, ружье его потеряло видную меткость. Это все знала, но, уважая старого охотника, не говорили об этом вслух.

Бригадир увидел, что расходевшись Михаил так просто не унять, а старуху обидно. Поэтому он решил пустить разговор по новому следу.

— Себе на зиму каждай запасе перичьего зверя. Не забудь сделать, если нам план на добычу морского зверя спустит? Добудете, скажут, двести центнеров.

— Скажут, так и триста добудем! — похвалялся Михаил.

И, как и нарочно, случалось так, что в тот же вечер бригадир Заксора вызвали в правление колхоза и вручили разверстаный по бригадам план добычи перы.

В разгнесте против фамилии бригадира стояла четко выделенная цифра «200». Заксор задумался. Ему трудно было представить, как это люди, не имеющие никакого опыта, набыют столько зверя.

Бригадир ткнул валидулу, но все же вынул из кармана свою записную книжку и четко вывел: «План. Нядга. 200 центнеров.»

Любую рыбу, что водилась в быстрой воде Амура, каждый из наивный знал с детства, а зна, в какое время и чем ее ловить. Для добычи морской рыбы нужна и снасть другая и снорюка особая. Охота на зверя в тайге тоже привычна наивному. На всякое зверье есть своя ловушка, своя пудка. А вот перья — непознато, что такое. Не то зверя, не то рыба.

И все же на следующее же утро все члены бригады Загоря явились на берег с ружьями. Не хватало с собой ружья только Нидга.

— Правильно сделал, сказал старик Михаил. Это три варчухе переводит! — Нидга промолчала. Все занялся поинчик невода. Поинча — дело кропотливое. Она занимает и глаза и руки. А сегодня глаза ружья больше смотрели на воду, а руки то и дело хватались за ружья. Чуть покажется на то и трое вскакивали и начинали чиниться. Но нерпы митом скрывались под водой. Один раз Михаил успел выхватить по зверю, но карчуть только подняла бровь, а перья, вынырнув много выше по течению, с любовьюстом оглазулась, будто смеялась над недалучивым стрелком.

Через два дня заводующий लोग Григорий Бельды привез охотничьи винтовки и роздал их по бригадам.

Михайа Перенко долго возился со своей винтовкой, поднимал мушку, и, когда все наладил, день уже клонился к вечеру. Небо заволочено тумачи. С гор дул сильный ветер. Но он, одевшись потеплее, все-таки отправился к реке и сел под обрывом на камень.

Прошел час. Начинался прилив.

— Теперь будут верны! Прилива поможеть, — подумал Михайа и на всякий случай снял затвор с предохранителя. В это время на середине реки и в самом деле показалась черная точка. Михайа выстрелил. Нерпа покачулась, но осталась на поверхности воды. Неужели не попал? Михайа снова прицелился. Но откуча-то сверху поплыла.

— Дядя Михайа, это же не нерпа, это бревно стойка плывет!

Перенко поднял голову. На обрыве стоял Петька — друг Нидга.

— Чего врешь? — Михайа с трудом скрывал досаду. — Будто я сам не вижу, что бревно. Винтовка-то новая, пристрелять надо. Не маленький, пора понимать.

Мальчик спрыгнул с обрыва и сел рядом. В руках у него было ружье.

— Ты что, никак, на нерп собрался? — усмехнулся Михайа.

— Да нет, — уклончиво ответил Петька. — Тож ружье пристрелять хотелось. — И с любовьюством начал рассматривать винтовку Перенко.

— Ничего винтовочка, — небрежно сказал Михайа. — А у те бревно карчутью заряжено? — Карчутью.

— Если нерпа покажется, ты не стреляй, нехай зверя зря тутать.

— Пожалуй, не буду. Все равно темно.

Он встал, закинул за плечо ружье и пошел домой.

Едва Петя перешагнул порог, сразу бросился к делу.

— Почему у других новые винтовки, а у тебя нет? — А я не взял, но что она мне? — добродушно ответил дед.

— Тебе не нужно, так и для себя попрощу. Запрт же пойдя и Бельды.

— Винтовка тяжелая, тебе с ней не управится. Лучшее послушай, сказку расскажу. — Ты же дело говорию, а ты со мной как с маленьким.

Дед покачал головой:

— Сказку всякий по своему уму примеряет. Ребенок в ней одну забаву увидит, умный думат над ней степе. Садись, послушай.

И Нидга, раскурив трубку, принялся рассказывать.

— Жил когда-то бедный старик со своей старухой. Был он раньше хороший охотник,

а под старость все не то стало: ноги небыстрые, руки неверные, глаза незоркие. Пойдет на охоту, ив с чем назад вернется, будто в лесу звери перенеслись.

— Вот пошел однажды старик в лес. Взял с собой, как водится, ружье, топор и огниво. Искал, искал зверя — не нашел. Иду, иду, мушкет не достал, так хитроумно добуду.

А в тайге как раз чернушка похотел. Старик довольн наелся, потом заснул ягоди в ушн, но, рот и растянулся на земле.

Бежал мимо зайа. Увидел старика, подскокн поближе. Лежит старик, не шевелится. «Отчего — думает зайа, — помер старик? Если предположить, что от жажды или от голода, так нет: у него в ушах, во рту и в носу много полова. Замерз? Нет: вон у него топор и огниво.

Рисунок Л. Хайлова

Думал-думал зайа, ив до чего не подумался. Сидит на задние лапы и кришует:

— Таежные звери! Приходите загадку разгадывать!

Сбежались разные звери: хорьки, белки, лисыцы. Принялись все вместе думать, отчего старик помер. Думали-думали, ив до чего не додумались.

Тут зайа опять говорит:

— Спросим у стариковой старухи.

Все согласилось. Послали ежа.

Еж приселжал к старухе, спросил:

— Скажи нам, лесным зверям, отчего твой старик в тайге помер?

А старуха хитрая была. Сразу поняла, что старик задумал.

— Такая старика в дом, — говорит, — и поспотро на него и разгадаю нам загадку.

Еж вернулся в тайгу, передал товарищам старухини слова.

Вот звери и потащили старика в дом. Старуха впустила зверей, а потом двери плотно захлопнула. Тут старик вскочил на ноги, всех зверей перебил. Одина только зайа в пещину трубу выпрыгнула. Жив-здор остался, только уши слегка выпалахот. Вот и все.

Дед развлекся и спросил:

— Ну как, выучек, поправилась сказка?

Петя, слушавший сказку сначала нехотя, к концу уже весело смеялся. Но тут он снова напустил на себя солидность.

— Такая сказка охотничья никому может научить. Человек зверя всегда перекричит. Только, дед, а тебе вот что скажу. Это лесного зверя можно заманять. А как ты нерпу в дом из воды заманишь?

— Такая сказка охотничья никому может научить. Человек зверя всегда перекричит. Только, дед, а тебе вот что скажу. Это лесного зверя можно заманять. А как ты нерпу в дом из воды заманишь?

Петя обиделся на деду. Сам спрашивал, а теперь нехочется. Но Нидга перестал смеяться и серьезно сказал:

— Не обижайся, выучек. Спи. Запрта вместе подумаем.

После обеда, когда наконец кончили смолить неветра, бригада вышла бить нерп. Собралось все охотники. Не было только Нидга.

По первой же глотной нерпе, высунувшей голову из воды, тринул целый зал. Стрелье зыпала каждый из охотников с насмешкой посмотрел на другого: хорошо, мол, друг, стрелешь, нерпа-то осталась целая!

Залп по второй нерпе принес те же результаты. И не мудрено. Всякий боялся, что его опередят, и, почти не целясь, выпускал свою пулю.

Не стрелял один только Загор. Он уже понял, что так план не выполнится: порох переисчезет, а толку никакого. Он встал и подошел к саашиному поодаль со своей бригадой Иту Гейсер.

— Слышай, бригадир, нехорошо получается.

— А что же ты сделаешь? — мрачно отозвался Иту.

— Рассказание, что ли, составишь, когда кому охотится?

Загор просветлел.

— Это ты хорошо придумал! — распевиная! — И он поспешно вынул свою записную книжку.

— Значит, будет так... Например, твой бригадир до обеда разговаривает на нерпе, потом шава. Назавтра поменяемся.

— Но в это время раздалась очередной залп и крикнул:

— Есть! Готово!

К второй нерпе понеслось не меньше десяти дозюк.

— Все-таки хорошие стрелы в нашей бригаде! — с удовольствием сказал Загор.

Иту с возмущением посмотрел на него:

— Какое это пор Григорий Бельды в твоей бригаде?

— При чем тут Григорий?

— Так ведь он убит нерпу!

— Да ты что, пулю его разгадал?

— А ты что, пулю его разгадал?

— Нерпа-то убита против нашего участка.

Так что твой Григорий ив при чем!

— Спорили не только бригадир, спорили все охотники.

Первым опомнился Загор:

— Криком не решим, криком жребят.

Нерпа досталась бригаде Иту. Охотники сразу успокоились.

Только Михайа не мог примириться с тем, что первая нерпа досталась другой бригаде. Он твердо решил сегодня же сврывать счет. Не сказав никому ни слова, он поднялся, пошел на реку и выбрал там место для засады.

Со стороны устья доносился выстрел. «Значит, нерпы появились», — подумал он и притоптался. Мысленно Михайа следил за ходом нерпы под водой: «Вот она плывет за тем мысом, вот приближается. Положи палец на курок, он прижмется шепой и прыжнуло. Ждать пришлось недолго. Большая черная голова всплыла прямо перед ним.

Шелкун выстрел. На реке взметнулись красивые от крови брызги.

Сразу забил ластами, вертась на одном месте. Михайа всколых, чуть поменял и бросился бежать в сторону устья.

«Охотник называється, — ругал он себя на берегу, — на воде зверя бьет, а про лужку забывает!»

Обе бригады слышали выстрел. А когда чуть спустился показался сам Михайа, бегущий по берегу. Иту сразу понял, что случилось. Он толкнул оморочку в воду, прыгнул в нее и стал сильно выгребать против течения. Вслед за ним поплыла оморочка Годо Озлава. Загор вместе с несколькими рыбаками сядился в кунгас. Остальные пустились бежать по берегу.

Увидев, что помощь ил, Михайа повернул обратно. Скоро он снова был у мыса.

Сразу еще бил ластами, но слабо, из дошедших сил. Михайа оглянулся. Кунгас мчался вперед всей флотилии.

«Спеть» — с облегчением подумал Михаил и ослышав похвастки на свуча.

Но его уже не было. Только большие круглые гладкое пятно указывало, где затонул зверь.

5

По составленному расписанию с утра на нерп охотились бригада Игу. В это время Заков со своими людьми делал новые котенеры. Почти все люди собрались у склада, когда на пригорке показался Ныдга, тащивший тележку. Сзади ее подталкивал Петя. Все с любопытством уставились на тележку, повсюду брезентовую.

Ныдга остановился у склада и, отдуваясь, стал вытирать рукавом пот. Никто не спрашивал, что он привез, хотя всем очень хотелось это узнать: провалить любознательность может только мальчишка, взрослому охотнику оно не к лицу.

— Ну, бригадир, — сказал наконец Ныдга, — на весь потащилши ты так, на глаз прикинься? — И он слезушка брезент.

Большая туша свуча откидала на солонечном жирном бревне.

— Ну, Ныдга, — сказал Заков с удовольствием, — ты у нас настоящий передовик. Как это ты такого красавца добыл?

Ныдга уже было раскрыл рот, чтобы ответить, как вдруг оползавший Михаил, растолкав рыбаков, ворвался в круг и бросился к тележке.

— Моего свуча подобрал. К морю приехал, тащивший обаял забай? Из-под чужой туши зверь берешь?

Михаил привернул голову свуча и стал осматривать со всех сторон. Все молчали. Молчал и Ныдга. Он набавил трубку, и видно было, как дрожит у него губа. Петя, сквав кулаки, шагнул к обидчику, но Ныдга удержал мальчика за плечо и сказал Михаилу:

— Можешь, эти и твой свуч, но ты же не можешь. Когда я его увидел, он живой был.

Михаил и сам уже понял, что это не тот зверь: следа от туши на туше не было. От стыда он не знал, куда деться, но признать себя виноватым ему не хотелось.

— Ну, пусть он добыл, — сказал Михаил. — Только в бы такой любичей не хватал. Видите, нос у свуча разбит. Значит, Ныдга и этого сапогом прикончил. Не охотичнее это дело.

Тут в разговор вступил Заков.

— Помогчи, Михаил, — отозвался дело — план выполнять. Ты одного свуча убил, да и того не достал.

— А все-таки промаха не дал, — отрывался Михаил. — Посмотри, что больше зверя добудет, и иди Ныдга.

Заков недаром считали хорошим бригадиром, он быстро нашелся и сказал:

— Значит, ты вызываешь Ныдгу на соревнование?

Конечно, вызываю, — ответил Михаил, которому до той минуты это и в голову не приходило.

— А ты, Ныдга, принимаешь вызов?

— Нам что, старикам, — сказал Ныдга, — так и так в хвосте плывешь. Раз молодые хотят потащить за собой, мы не откажемся.

Так вот и началось это соревнование. Главными его участниками были Михаил и Ныдга.

Каждое утро Ныдга, являясь к складу, тащил с выюком тележку, прикрытую брезентом.

Никто в эти дни не встречал у реки старика с винтовкой. К тому же все знали, что он и не получал винтовки. Как он добывал зверя, оставалось загадкой. Замечали только охотники: у всех нерп, которых он привозил, был разбит нос.

Прошла неделя. Нерп набили порядочно, но до выполнения плана было еще далеко.

На обобщенной переписи Заков назначил собрание. И хотя оно должно было бригадиром, на него пришли почти все рыбаки. Первым выступил Заков. Как всегда, он сразу открыл на нужном месте свою записную книжку и, ткнув в страничку пальцем, заговорил:

— Вот здесь записаны индивидуальные обязательства всех членов бригады. Записано по двадцать нерп на каждого...

Петя, подбравшийся поближе к бригадиру, выткнул шею, как мольдой гусенок, и заглянул в записную книжку. Глаза его стали почти круглыми: страница, по которой читал бригадир, была совершенно чистой, на ней не было ни одной пометки.

А Заков между тем продолжал:

— Тут же записано, кто выполнил обязательство. У кого по две туши слано на склад, у кого — по три. У одного только Михаила Перемко пообные будут — семь нерп. Только я скажу, что достиг от этого путем нездорового старания. А почему нездорово, я тоже скажу. Он план по нерпе выполнил на тридцать процентов, а на последних работах прогнул у него за это время восемьдесят процентов. Заков захлопнул книжку и раскрыл ее на новой странице. — За десять дней у товарища Перемко восемь невыходов на работу...

Петя опять осторожно заглянул в книжку бригадира — и эта страничка была пуста...

Заков продолжал:

— Как стоем нам равняться на Перемко ни надо по Ныдге. Сегодня он закончил свое задание, хотя выполнял всю повседневную работу, него на счету двадцать нерп. С завтрашнего дня он значаще работает северу плана. Значит, Ныдга у нас передовик. Хочу поставить перед направлением холхоза вопрос о его премировании.

Правильно, я поддерживаю, — сказала заведующая отделом. Надо только заранее уведомить, кем это премировать.

— Можно мне сказать? — отозвался Ныдга, молчавший до сих пор.

— Можно, говори, Ныдга! — закричали со всех сторон.

— Если бы меня спросили, — начал старик, — я бы старого Ныдгу не стал премировать. А если хотите мне сделать хороший подарок...

— Сделайте, — сказал Заков.

— Ну и хорошо, — ответил Ныдга и торжественно проговорил: — Бригадир, отпусти меня из бригады.

— Куда отпустить? — спросил ошеломленный Заков.

— В другую бригаду...

— Это ж тебе в этой бригаде не понравилось? — спросил Бельды.

— Не понравилось одно. Тут молодой охотник может старика обидеть. Михаил при всех скажет, будто и охотничий закон нарушил, зверя выстрелил из винтовки взад. Сколько лет охотился, но от кого такого не слышал. Из-за этих слов я и вправду охотничий закон нарушил. Никому не сказал, как морского зверя добываю. За что меня премировать? На одного обидца в бригаде всех людей выстрелил. Стыдно мне стало, хочу свою загладку открыть.

Горничим кистром вспыхнул разговор. Охотники просили сейчас же открыть загладку. Переговорил с Ныдгой, бригадир сказал:

— Значит, так сейчас же выстрелишь, а потом соберемся. Где Ныдга, собирайся?

— У кунгаса, в море плывем.

Все уже собралось идти на работу, как вдруг вперед выступил комсорг Григорий Бельды.

— Комсомольцы, не расходиться! — крикнул он и виноватого добавил: — Поговорим о поведении одного товарища.

...Как им старались все быстрее восты, Ныдга с Петей пришли к кунгасам ранние всех.

— Дед, — повторял Петя шепотом, — а вдруг там ничего нет?

— Не говори под руку... Должно быть. Скоро все собралось на берегу.

— Что ж, подем, — сказал Ныдга и направился к кунгасу.

Старик отвыкший веревку от прикола и оглянувшись, Ныдга не шел почему-то в лодку.

Рыбаки рассудились, в середине образовавшегося прохода стоял, опустив голову, Михаил. Постоя еще с минуты, он завсправился к Ныдге. Молодой рыбак шел так медленно, как будто ноги его увязали в глубоком снегу. Подойдя к старому вилотному, он, не поднимая глаз, сказал:

— Комсомольцы говорят, я у тебя прощения должен просить. Осудили мое поведение.

— Михаил дернул голову и в ответил.

— А ты сам? — настойчиво повторил Григорий.

Я... тоже... осуждаю, — выдал из себя Михаил.

Ныдга добродушно махнул рукой. Все облегченно вздохнули, зашумели и начали рассаживаться в кунгасы.

Ныдга, сведенный у руля, повел кунгас в открытое море, куда забора вправо. Гребцам не жалея сил, налегали на весла. Вдруг Петя завопил: они до приставляемого встали куда-то валь, то быстро что-то шептал делу на ухо. Все стали смотреть туда же, куда и Петя. Дельце по носу холхоза на воде что чернело, будто плавали какие-то зомби. Скоро всем стало ясно, что именно к ним Ныдга и вел кунгас.

Теперь не только Петя, но и старик не открывал глаз от сползающих покатывающихся на волнах деревянного сооружения. Подходя ближе.

Доски не покачивались на волнах, как это казалось издали, а подпрыгивали, как будто кто-то дергал их. Мгновение спустя рядом с досками всплыло большое темное тело нерпы. Сосканивая сетью, она металась во все стороны, но уйти не могла. Видимо, заметив приближающийся кунгас, она скрылась под водой. Гребцы подвели кунгас совсем близко к лодке. Это была туша сколоченная из толстых досок рама с решетчатыми дверцами.

Заков с восхищением рассматривал это сооружение. Он уже все понял. До чего же просто, а ведь никто, кроме Ныдга, до сих пор не додумался до этого! Сколько раз несной и поздней осенью все видели, как нерпы забираются отдыхать на плывучие льдины! Ловушка тоже кажется нерпе льдиной. Как только зверь забарается на раму, лодка свободно плавающая на воде дельцы погружается под тяжестью туши, и нерпа проваливается в мешок из дель, прикрепленный к свучу.

Чтобы зверя не могла открыть дельцы изнутри, гребцы были приняты две плавки. А чтобы ловушку не унесло, Ныдга укрепила ее на двух якорях.

Кунгас подвели кормой вплотную к ловушке, и Ныдга, перегнувшись через борт, стал подталкивать сеть. Вода в ней так и забурляла. Нерпа снова забарлась, пытаясь освободиться. Теперь уже несколько человек помогали старику. Нерпа, опутанная сетью и подвешенная к самому борту, вдруг подняла голову. Старик с несоблаженным просторством силой удерживал ее по носу неизвестно откуда взявшейся колотушкой, нерпа горно фирменная, по ее телу плывла короткая судорога, лапы растянулись во всю длину. Зверь был мертв.

Так вот почему у асы ушел Ныдгой нерп разбитый? Поставил раму на ребро, открыл дельцы и вывалить тушу в кунгас лодку для сильных рук рыбаков сунуть пустяком.

...Как им старались все быстрее восты, Ныдга с Петей пришли к кунгасам ранние всех.

— Дед, — повторял Петя шепотом, — а вдруг там ничего нет?

— Дед, — повторял Петя шепотом, — а вдруг там ничего нет?

— Дед, — повторял Петя шепотом, — а вдруг там ничего нет?

— Дед, — повторял Петя шепотом, — а вдруг там ничего нет?

— Дед, — повторял Петя шепотом, — а вдруг там ничего нет?

Пока были заняты делом, все молчали, но как только лосица была мокрая туша тяжело легла на дно кунгаса, в лодке сразу стало шумно. Рыбаки переребей хавали Нядгу.

— Хороший ты охотник, Нядга,— сказал Закор,— в тайге был хороший и на море не хуже оказался. Ведь никто не догадался, что на нерпу, как на таянского зверя, можно ловушки ставить, один ты додумался.

Но старый Нядга не любил хаастать. Он сказал:

— Однако не совсем я додумался.

И в самом деле, про ловушки на нерпу Нядга слышал от ороноков. Еще в прошлом году он подружился со старым ороноком Сивяктом. Встретились они в тайге. Старым осыновился, дружелюбно улыбаясь, а как заговорил, чтобы поить друг друга, не зная, Нядга только объяснил, что он приехал с Амуре морем, он ткнул себя в грудь и загудел, как паровоз. Ороноч даже перестал улыбаться, стараясь понять, что говорит этот новый человек. Потом он снова заулыбался: осыновился, присажал — охотник на оленей, иначе зачем бы он кричал, как олень; верно, он хочет знать, водятся ли тут олени. Ну как же, олени здесь есть. Чтобы показать, что ороноч хорошо знакомы повадки этого зверя, Сивяк начал изображать, как дерутся весной самцы из-за самки. Теперь задумался Нядга. Звезший охотник, видно, боится, что нанавым будут обижать ороноч. Надо поскорее объяснить, что нанавы — совсем другие люди, они лотят жить в мире со всеми, это честно трудится. Но объяснить это одним только жестами оказалось невозможно. В растерянности Нядга невольно проговорил вслух:

— Какими же это словами сказать...

Ороноч очень удивился.

— Откуда ты знаешь наши слова? — спросил он. — Ты разве нанав?

— Я нанав,— ответил Нядга и с гордостью повторил: — Я советский нанав.

— И мы нанав,— сказал сахалинец.

Оба нанеребой стали говорить друг другу названия деревьев, трав, зверей. Почти все слова были одинаковыми.

Старик разложил костер, закурил трубочку и, усевшись у огня, наговорилсь всласть. Так начался это дружба.

Любознательный Нядга распространял Сивякту, как захотел отойдет ороч, как ловят море рыбу. Тут он и услышал про ловушки на нерпу. Он даже не пошелся пойти за пятнадцать километров в гости к Сивякту, чтобы посмотреть на эти ловушки. Но ловушки эти не осыновались: на них шло много дел, олени были дорогие, очень громоздкие. Да и нерпа, та, что посособразнее, могла уйти из такой ловушки.

Нядга долго разглядывал нерпичьи ловушки, конечно, больше из любопытства. Ведь охотиться на нерпу он тогда еще не собирался. Однако у каждого хорошего хозяина есть такой маленький сарайчик на сваях подле дома, куда он складывает на них шло много дел, но куда-нибудь еще может пригодиться. Так и Нядга хранит в памяти ороночские ловушки. Когда заговорили о плаве на морского зверя, Нядга сразу вспомнил о них, но сделал свои ловушки совсем по-другому, вовсе не похожими на ороночские. Самую же мысль о том, что морского зверя можно ловить, поддал все-таки Сивякту.

Нядга не знал всего этого рассказывать рыбакам. Он немного помолчал и опять повторил:

— Не совсем я додумался. Ты, бригадир, будь на моем месте, так сказал бы: один ороноч со мной опытом поделюсь.

Тем временем кунгас пошел к берегу. Рыбаки, размяная ноги, начали выпрыгивать на песок. Заведуший лодом, подозвав Нядгу, стал многократно совещаться с ним и с бригадиром, где можно сегодня же достать доски, сколько ловушек можно сделать за завтрашний день, какие старые сети пустить на это дело.

— Нядга! — раздался вдруг громкий голос Михаила, и молодой рыбак быстро подошел и разговоривался. — Хочу при всех тебе сказать: верно ты говоришь, что острый ум лучше острого языка. Не уходи из нашей бригады, Нядга. Если сердился на меня, ловишь и уду.

— А может, лучше вместе порежем? — глумливо сказал Нядга. — Как думаешь?

— Желаю тебе, Виктор, больших успехов в жизни! — говорит директор 172-й московской школы Н. И. Гроза, вручая аттестат зрелости выпускнику Воробьеву.

НА ПОРОГЕ ЗРЕЛОСТИ

фото М. Озерского.

С даяны последние знаменены в десятых классах.

Вот и настал день прощания с детством, с родным школьным домом. Вчерашние ученики подходят к столу, установленному знаменитым диком, на котором на черганы знаменитые слова: «Аттестат зрелости». Это путына юношам и девушкам в новую большую жизнь, которая открывается за порогом школы, жизни, полную неизведанных радостей и тревог. Как быть? Куда пойти дальше? — встают волнующие вопросы. Ведь так много хороших и разных дорог. Но надо выбрать одну, самую верную и дорогую. Нелегко это сделать в семнадцатые лет.

Рында дала тебе знания, Она любовно брала и растила тебя, по-взвирински учила тебя. Выбирай любовь! Воспои ученым твоим знаниям и горничным молодуе руки. Тебя ведут на заводки и фабрички, в молхозы и совхозы. Тебе предидеть возможность своим руками строить

новые города и поселки на востоке и севере, создавать самые мощные в мире гидроэлектростанции.

Начинать большую жизнь по-настоящему, не искать легких путей, не стремиться прийти на готовенькое. Тебя старшие братья и сестры построили чудесный город юности Космосельский-Амур, Кировск в Бийбаш, Норильск на севере. Полные дерзких мечтаний и высоких благородных помыслов, свистящими тын возводят сейчас заводы и поселки в степях Казахстана, среди горных троп Алтай, у таежных берегов сибирских рек. Своим примером мужественные сыны славного комсомольского племени указывают каждому путь в большую жизнь.

Этот путь не легкий. На нем встретятся и трудности и испытания. Зато какая возможность закалить свои силы и волю, расправить крылья!

Юноши и девушки получили аттестаты зрелости. Перевёрнута первая страница в книге жизни. В знакомом с детских лет зале в эти

Вот он, аттестат зрелости! И радостно и тревожно на душе: впереди дорога в жизнь...

В этот последний школьный вечер им о многом хочется поговорить...

За празднично убраным столом собрались выпускники отметить окончание школы.

Вечера они сидели рядом с учителями, которые в течение столичных лет терпеливо растили их. Они внимательно слушали напутственные слова своих наставников и все отчетливее понимали: детство кончилось, пришла самостоятельная жизнь.

Это знаменательное событие отмечено во всех школах нашей страны. Торжественно вручены аттестаты зрелости, состоялись балы, гуляния. По давней традиции зарю нового дня выпускники московских школ встречали на Красной площади, у садов стен Кремля. Знакомые, дорогие с детства места казались в эти часы еще величественнее. Отсюда виднее неповторимая красота Родины, еще осязаемая ее великая несокрушимая сила.

В самостоятельную жизнь вступили тысячи молодых строителей коммунизма. Они порадуят Отчизну трудовыми подвигами, умножат славу родной земли новыми открытиями и свершениями.

В. АНДРЕЕВ

Выпускной бал, как и полагается, открылся школьным вальсом.

Взгляните на Кремлевские юрты. Они посылывают поздравку летого. Первое утро новой жизни бывших десятиклассников встретили на Красной площади.

ОПЕРА «ЗАПОРОЖЕЦ ЗА ДУНАЕМ» НА СЦЕНЕ КЛУБА
ПОРОНАЙСКОГО БУМАЖНОГО КОМБИНАТА

Шла бычаяя репетиція. Рукі вадзіцель хора Тамара Александровна Шенцова замятла:

— Ешце дзве — тры рэпетыцыі, і будзем счытаць, што с гэтай сценой мы справімся.

Пыхвала абодрыла кружковецы. — А што, еслі наву не атрычкі, а сцэніку кажуць-нібудзь оперу паставіць? — вядру прэдажылі Люба Худорнікова.

Сказвала — і словы іскру в стог сена аброніла. Сразу налішчылі энтузіасты, котрым эта ідея прыйшла по душе. Тамара Александровна абіела вглядом кружковца, пачынала голыю.

— Нэг, дружок, аб этым думайце едзе рановаць. — І, рэзка абрываў разгавор, хлопнула в ладшы: — Хор, на месці Салістыя Овечкі, Гатэяна, блыжэ к рымелі Повторяем сцэну.

Рэпетыцыя прадолжалася. Быстро абавяршыўся разгавор как будзь заблыс. Работы у кружковца было по горлы: прыблыжэся раённыі смотр самодельнасьці, і клуб Поронайскаго бумажнаго комбіната готываў к нему большую праграму. Художественному рукі вадзіцелю клуба Тамара Александровна Шенцовай прыходыла тудыно: то слявка хора, то занатыя с салістамі, то рэпетыцыі драмкружка. В последние месяцы клубное хвойствэ разрослось. По ініцыятыве Шенцовай неבלышыне цэковы кружки самодельнасьці былі сліты в одніа коллекты. Тэпер в нем ісчытывалось смышэ ста любітэлей. Только на одніа хорыме занатыя прыходылі по сорок чэловека.

...Наступілі дні смотра. Просторыі зал клуба быў переполнен. Тамара Александровна суетылася за кулісамі, в последний раз уточняла порядок номеров, давала саветы артистам. Она вольовалась. Ей все думалось, что что-то важное будэ неспрешено вобітэ. Однак концерт прошэ с успехом.

— Похуже, что первое место

будет за вами,— пожимая руку Шенцовой, сказал председатель жюри.— А хор у вас так просто очень хорош!

Тамара Александровна собралась за кулісамі кружковца, порадываў іх мненіем жюры і неожыданно прэдажыла:

— А что, друзья, может, в самом деле за оперу возьмёмся?

Но легко сказать, возьмёмся за оперу! А за какую? Ведь на Сахаліне нет ни оперного театра, ни ютюного магазина, где можно было бы достать партитуру. Это поставіло бы в тупык энтузіастов даже в областном центре, не говоря уже о маленьком рыбацком городке Поронайска на восточном побережье острова.

Не раз обшуджали на репетициях кружковцы эту проблему. Но вот выбор оперы слелан. По совету Тамары Александровны остановылись на «Запорожце за Дунаем» Гуака-Артемесового. В этой опере і основа песенная, народная, доступная для самодельнаго ісполнения, да і состав действующих лиц наиболее прывемлемый. Осталось наыты партитуру. Послалы письмо в Южно-Сахаліинск, но ответ прышел неутешительный: учреждение областного управления культуры партитуры не имеет. Тшь через полгода разрешилась эта проблема. Вернулся из отпусака одніа из энтузіастов клубной самодельнасьці, бухгалтер Николай Григорьевич Мелехін, сра-

зу прышел на репетицію хора і выволаж на стол полный клавыр оперы «Запорожце за Дунаем».

— Вот вам мой подарок,— сказываў он, улыбаясь.

В декабре клуб поронайскаых бумажников прыступыл к работе над оперой.

Регулярно три раза в неделю собырался хор, ежеседьно шли занатыя с салістамі. Особенно довелось потрудыться музыкальному «цеху» коллектыва (так в шутку называлы кружковцы клубного баяныста Федора Ивановича Ермоленко).

С первого дня рукі вадзіцелі клуба нады поддержку у директора комбіната Аракады Кырыловича Кравченко. А тудынослей встрытелось много: нуэло было ізыскать средства для подготывок реквзытата і костюмов, сделать так, чтобы репетыцыі проводылись в удобное для всех время... Большыство хорыстов составыла моложежы; это семнадыателетне рабытныі мешкотары цеха Шевелова, Шулыміна, счетовод Люба Худорнікова, кочегар ТЭЦ Александр Солдачов і другие. Но былі в коллектыве і люди старшого поколения, напрымер, солодышк сульфатного заводу Н. Шагін, бухгалтер Н. Мелехін, телефоністка Р. Белыкова. Самому юному участнику постановкы, Лене Ермоленко, еда ісполныісь восьмь лет, а самому старшему, рабытнику АХО комбіната Сергею Александровичу Юрьеву, уже одно семнадыесты. Всех их облызало жэланіе скрастыть свой досуг.

Одновременно с хором шла работа і в танцевальном кружке. Под рукі вадзіцелью рабытныца ТЭЦ Амбросымова разучывалы украинские танцы і пляскы счетовод Фаустова, смеыный мастер сульфатного завода Мызыникова, шыва мешкотарного цеха Петровская, слесарь Софьяна і другие.

Когда работа над оперой уже шла полным ходом, к Тамаре Александровне прышел рукі вадзі-

В роли Караса — рабычій сульфатного заводу Н. Шагін, в роли Одарын — бухгалтер Н. Омельяненко.

Сцена из II акта.

тель клубного духового оркестра, миксовщик сульфатного завода Михаил Андреевич Переслов.

— Наши ребята, — сказал он, — тоже хотели бы принять участие в постановке. Как вы смотрите, если мы разучим увертюру?

Тамара Александровна поддержала это предложение. Так музыкальный «шеф» коллектива явился сразу до шестнадцати человек.

Среди кружковцев нашлись свои художники, которые подготовили хорошие декорации, нашли свои гримеры и парикмахеры.

Всю зиму трудились коллектив самодеятельности над постановкой оперы. Лишь после семи месяцев работы Тамара Александровна сочла возможным показать постановку зрителям.

...Сахалинские солны уже победили от первого снега. Был конец ноября.

Светом прожекторов залита сцена самого большого концертного зала областного центра. В зале — артисты областных теат-

ров, работники филармонии, учредений культуры.

За дирижерским пультом занимает место рабочий сульфатного завода Михаил Андреевич Переслов. Он поднимает руку, еще раз окидывает взглядом своих оркестрантов. Вот в угау слыт грузчик Сабаля, рядом с ним самый молодой музыкант — помощник киномеханика Искова, дальше — плотник Махляев, грузчик лесобиржи Новиков и другие. Ребята волнуются.

Дирижер взмахивает палочкой, и в тишину зала врывается широкая музыка увертюры к «Запорожцу за Дунаем».

Внимание зрителей переносится на сцену. Старый вяз склонил ветви над белым домиком, где живут Одарка с Карасем и их красавица-дочь Оксана. Брошена у летяги брячка со снятым колесом. А вдали ясная синева реки, зелень бора... Слышится песня. Она приближается, растет. Это поют девчата, возвращающиеся с сенокоса. Вот они в ярком

украинских костюмах, с косами и граблями в руках проходят по дороге мимо дома Караса.

Роль Караса хорошо исполняет рабочий-соловник сульфатного завода Николай Алексеевич Шагин. Непринужденно держит себя Одарка — Нина Омельнико, словно всю жизнь отгасит на сцене, а не сидит за бухгалтерским столом. А вот молодая работница мехшотарного дека Ида Ясырева, которой поручена роль Оксаны. Выразительно звучит ее молодой, чистый голосок. Ида работала над своей ролью с увлечением, и созданный ею образ радует душевной теплотой.

Больше всего опасалась Тамара Александровна за партию

Андрея. Не так легко было найти на предприятия хорошего тенора. Нескомпо человек пытался зайти за эту роль, но их постигла неудача. Наконец выбор пал на мастера лесовоского отдела Крылова. Премьера оперы показала, что молодой певец оправдал доверие коллектива.

По ходу действия в зале не раз вспыхивали дружные аплодисменты. Зрители остались очень довольны. Конечно, были в постановке и шероховатости, но все исполнители чувствовали себя легко и естественно под светом рампы, но главное достигнуто: получился хороший музыкальный спектакль.

О. ВЛАСОВ

К постановке оперы активно готовились и клубный духовой оркестр. За дирижерским пультом рабочий комбината М. Переслов.

И. БЕЛОУСОВ

СТИХИ О САХАЛИНЕ

ЗЕМЛЯ МОЯ

Там, где кострами помякнут зори
В восходе щедрых солнечных лучей,
Стоит,

как крепость,

на Охотском море

Далекий остров Родины мой...
Мы в этот край, суровый и богатый,
Звезда победной славыю годов,
За тыщи верст приехали когда-то
Из разных сел, из разных городов.
Мы шли вперед среди полуразвалин.
Кипящим строем знаменуя дни,
И нам сердца в работе сгоревали
На пугающих зажженных огни...

ОСЕНЬ

Стали ночи не в меру строгими,
В небе звезды маршируют дробными,
Ходит-бродит мороз дорогами
И на дужках узоры пробует.

А снежинки неторопливые
Оседают на травы рыжие,
Из домов дотвора крикливый
Выбегает проворно с алжками.

НИТЬ НУЖНО ТАК...

Все замело: поля, дороги, тропы...
И эту даль, похоже, не пройди.
Лежит, как джоны, валяе стуброй
На снеговом невозможном пути.
Чтоб здесь пройти, усами надо много
И надо в сердце мужество найти,
Но ты стоишь,
Ты ждешь, пока дорогу
Промрут другие на своем пути.
Оно, конечно, так-то легче будет.
Но жизнь ли это — таять, а не светить?
Жить нужно так, чтобы другие люди
Шли по твоей пройденной пути!
г. Шамск.

Фотограф В. Привезенцева.

«СПРАВА ПО БОРТУ— КИТ!»

Когда наступает очередной «капитанский час», в небольшую комнату радиостанции китокосбината «Ясный» приходят руководители комбината, начальники цехов. Собранным нетерпеливо ждут, пока радист настроится на прием. И вот:

— Говорит «Бура», говорит «Буран»! Доброе утро, товарищи! Передаю обстановку. Квадрат... широта... долгота... Туман. Поиски продолжаются.

А что скажет «Пурга»?
— ...Второй час гонимся за кашалотом. Какой-то дурной попался: не подпускает на выстрел.

Наконец и добрые вести:
— ...Буксирную шесть китов на «Скалестый».

— ...Веду на «Ясный».
И сразу шум, оживление: можно готовиться к приему, работа скоро будет! Вель с того момента, как кит убит, до доставки его на комбинат должно пройти не больше двадцати часов. Иначе, как говорят китобой и китобороботнички, добыча станет «некондиционной».

— Китобоец Курильской флоталии «Ураган» ведет поиски уже несколько часов. Дует холодный ветер, сквозь серые тучи едва пробивается солнце. Неприятная Гиний океан.

Вся команда, кроме тех, кто занят в машинном отделении, — на палубе. Марсовый — на мачте, наблюдатели — на мостике, гарпунер — возле пушки.

— Близу китов! — раздается привычный, но всегда неожиданный и волнующий возглас. — Справа по носу — стадо кашалотов!

Марсовый насчитал в стаде около сорока китов. Только бы не подвел гарпунер Сергей Шадрин! Охота может быть очень удачной,

Показалась лоснящаяся спина кашалота, и на китобойце все настроились...
Фото В. Привезенцева.

но промахнулся он с первого раза — и киты ушли.

Все ближе подползает китобоец к стаду. В тот момент, когда, кажется, вот-вот прозвучит выстрел, киты неожиданно скрываются под водой. Ничего не поделаешь: на 75 мет-

ров — расстояние самого дальнего выстрела — киты к себе в этот раз охотников не подпустили.

И снова бинокли обшаривают серую поверхность океана, снова появляются киты и снова стремительно уходят под воду, когда судно приближается к ним.

В который уже раз марсовый сообщает:
— Справа по борту — киты!

Судно послушно поворачивается, набирает ход...

— Стреляй! — кричат кто-то охранным от волнения голосом.

И в ту же секунду раздается выстрел. Гарпун вонзается в кита. Выстрел точен. Кит начинает стремительно раскручиваться с левеки, но киту далеко не уйти.

— Большой! — перегаушались с мостика, спрашивает капитан.

Гарпунер за десятки метров от судна должен определить разовидность, пол и размер кита. Если встретится самка с детенышем, ее трогать нельзя. Это строгий закон, которого обязаны придерживаться все охотники за китами. На этот раз все было в порядке.

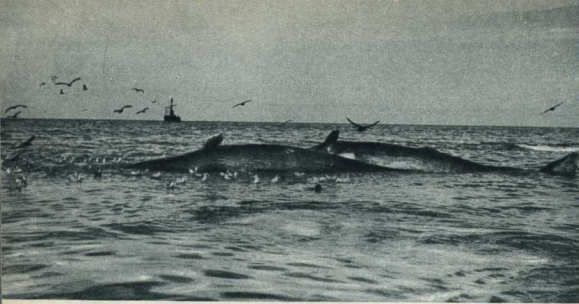
Охота оказалась удачной: убито восемь китов. Их поочередно подтаскивают к судну, набрасывают канаты на хвостовые плавники и надувают горячим воздухом для придания пловучести.

Восьмь месяцев длится китовая путина. Восьмь месяцев китобойцы бороздят море — а любую погоду и в шторм, под жарким солнцем и в холодном тумане. Основное в это время, конечно, дромьсел. Но на судне, как и в любом коллективе советских людей, не забывают и об учебе, отдыхе.

Электрик Юрий Чечев уже не в самом

Капитан «Урагана» Владимир Вывставкин.

На буксире китобойца богатая добыча.

молодой из всей команды. Помимо своих прямых обязанностей, он выполняет важное комсомольское поручение: Юрий — кинемеханик «Урагана». Если бы не Ченуев, куда девать вечера, свободные от вахта? Правда, можно посидеть у приемника, почитать книги из судовой библиотеки, поиграть в шахматы.

Елена Коптева, мастер технического контроля киткомбината «Ясный».

Но все-таки скучно восемь месяцев в году без кино. Уходя в плавание, каждый китобоец берет с собой десять кинокартин. Встречаясь в пути, суда обмениваются фильмами.

Сегодня Юрий обещал показать «Танкер «Дерзент».

Шумят под палубой машины, плещут в нагудку задраенные иллюминаторы волны, жужжит в кубрике киноаппарат. А капитан Владимир Выставкин в это время сидит в своей каюте над картой: надо тщательно обдумать очерковой маршрут судна, выбрать район промысла. Задача серьезная, и, во все-таки видно, так и не удастся капитану сегодня посмотреть кинокартину.

С каждым годом увеличивается добыча китов. Сейчас «Ураган» добывает за месяц столько китов, сколько раньше добывал за целый год.

...Плотный туман обволакивает и берег и море. Рассвет только начинает борьбу с его густыми хлопьями, когда два протяжных гудка доносятся до поселка.

Но поселок Китовый не спит. О подходе «Урагана» знают заранее, и к его встрече все готово. Едва умолкает гудок, как новый звук нарушает предутреннюю тишину: буксирный катер направляется к судну.

Катер идет почти вслепую. Но ждать, пока

прояснится, нельзя. Ведь китобоец уже несколько часов буксирует свою добычу. Надо поторопливаться.

Катер возвращается, таща за собой двух китов. На слипе уже стоят рабочие. Кита вытаскивают, обмеривают, и сразу же начинается разделка. А около берега на воде десятки тысяч гуляшней ждут своей доли. На комбинате их шутливо называют санитарями. Подбирая отходы производства, птицы очищают воду от загрязнения. Глупыми — неустойчивыми труженики. Они прилетают к комбинату в четыре часа утра и исчезают отсюда только к двум часам ночи. Ишии для гуляшей очень много: большое количество неиспользованного сырья еще выбрасывается в море...

На «Ясном» идет борьба за полное использование туши кита. До последнего времени комбинаты получали только жир, соевое масло и печен. Лишь четвертая часть китового сырья поступала в цехи.

В первые годы существования комбината над этим вопросом не ломали голову: что можно было сделать при той технике?

Но вот сюда стало поступать новое оборудование. Одна за другой появились на своем печи с огневыми котлами. Им на смену по-

явились автоклавы и пресс-бойлеры. Перестали скрывать ручные пилы: паровая пила быстро и легко расправлялась с гигантскими костями кита. Длинный ряд огромных цистерн для жира давал наглядное представление о том, насколько увеличился выход продукции. Выросли стены высокого, просторного здания, в котором разместилось несколько основных цехов. Энергично комбинату и поселку дала новая электростанция, а радиостанция связала берег с китобойцами, оброщающимися к своему морю.

И вот, когда «Ясный» принял вид современного предприятия, оборудованного новой техникой, китобойцы серьезно задумались над тем, как увеличить, расширить выпуск продукции.

На комбинате хорошо знали, что из кожи кита можно делать седла и подошву, из белой массы — желатин, клей и шерстяное волокно, из жил — шорные изделия, из мяса устакан китов — пищевые консервы. Правда, технология получения некоторых видов сырья оставалась еще неразработанной. Но ждать, когда этим займутся ученые, было некогда. Уже очень далеко от Итурупы московские научно-исследовательские институты, пока пишешь, и то сколько времени пройдет! Решили искать, пробовать собственными силами.

Душой нового, трудного дела стали молодые, пытливые люди: инженер-технолог Мария Павлюковская, инженер-механик Иван Мирошник, заведующая лабораторией Анна Долгополова. Они возглавили экспериментальную группу.

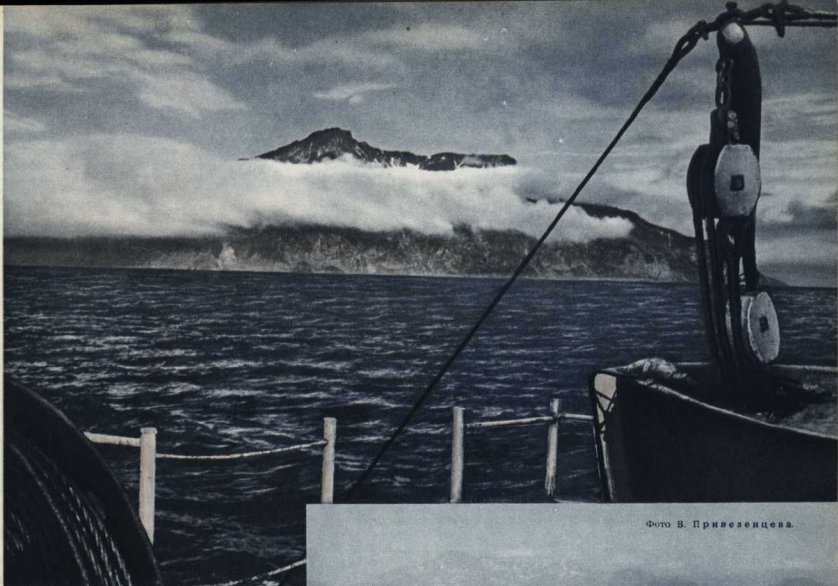
Были ошибки, были неудачи. Иногда казалось, что все усилия напрасны, но энтузиасты упорно добивались своего. И вот на комбинате наконец построен большой экспериментальный цех, где установлен станок для получения жира холодным способом. Этот станок был изготовлен по проекту курьезных на одном из заводов Большой земли. А в лаборатории уже появились опытные образцы желатина и шерстяного клея. Начала выпуск пищевых консервов из мяса кита новая консервная линия.

Творческие поиски только начаты. Еще много предстоит сделать, чтобы полностью использовать тушу кита. Еще тысячи гуляшней существуют за счет больших отходов комбината. Но скоро им придется искать пищу в другом месте.

г. Южно-Сахалинск.

Нашалот поднят на слип. Сейчас начнется разделка туши.

В проливе Фриза. Снимок сделан с борта китобойца «Ураган».

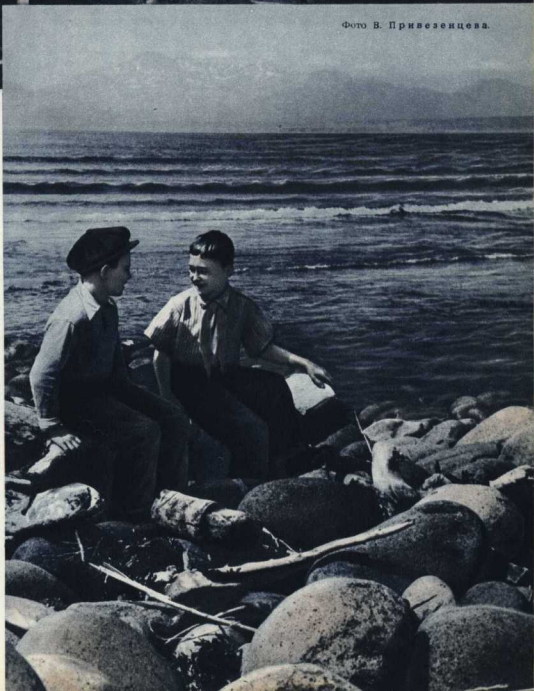
Николай ПЕТРОЧЕНКОВ

МОЙ КРАЙ

Заря занимается смутно,
 Вскипает крутая волна.
 Сквозными ветрами прудута
 Морская моя сторона.
 Простором твоим зачарован,
 У моря стою поутру,
 Глазами сыновним снова,
 Мой край, на тебя я смотрю.
 И полнитса сердце любовью...
 Пешком я тебя исходил
 От ясных амурскох верховьев
 До грозных вулканов Курил.
 Недаром мне стали понятней,
 Намного родней и милей
 Твой вольный размах неохватный,
 Причуды природы твоей,
 Что больше не встретишь нигде ты:
 Ни в дальнем, ни в ближнем краю.
 Но есть и иные приметы,
 Тебя и по ним узнаю.
 Таволчий лопух безмятежный
 Разбухнен разливном гудюком,
 В морском неоглядном безбрежье
 Идут караваны судов.
 Ты славен амурскою сталью
 И нефтью охланской своей,
 А выше всего ты прославлен
 Дельями своих смоней.

г. Южно-Сахалинск.

Фото В. Привезенцева.

Бомбовый пляж на восточном берегу бухты Касатки (остров Итуруп).

Фото Г. Соколова.

Остров Тюлений обозначен только на крупномасштабной карте. Но, несмотря на свои маленькие размеры, этот островок — одно из самых замечательных мест Дальнего Востока. Здесь находится лежбище котиков.

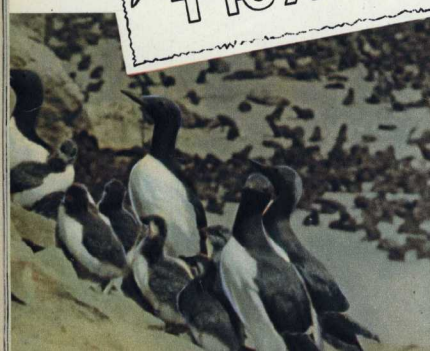
...Монотонно стучит машина сейнера, разрезающего голубую гладь залива Терпения. Постепенно на горизонте начинает вырисо-

виться пологий скат, покрытый галькой.

Но стоит подняться на плато, и перейти на восточный берег, как перед глазами открывается удивительное и величественное зрелище. Полоса пляжа кажется покрытой черно-коричневым дамшичьим ковром. Здесь расположились десятки тысяч котиков. Они сидят и лежат группами и в оди-

На острове ТЮЛЕНЬЕМ

ваться черная полоса. Через час уже можно рассмотреть простым глазом высокое плато, круто обрывающееся к пологому пляжу.

Сейнер останавливается в нескольких сотнях метров от берега.

Длина острова — не более шестисот, а ширина — не более двухсот метров. Западная сторона, к которой обычно подходят суда, с первого взгляда не интересна: пу-

вытая, неуклюже ковыляют по песку, опираясь на лапы, дерутся, отдыхают.

Множество животных купается. Котики — превосходные пловцы, способные передвигаться в воде с большой скоростью и нырять на значительную глубину. Даже при большой волне они чувствуют себя так же хорошо, как и при полном штиле.

Изумрудно-зеленая волна, набегая, поднимает сразу сотни жи-

вотных. Между морем и сушей непрерывно движение. Один бросается в волны, другие выходят на берег, ложатся у полосы прибоя или направляются вглубь пляжа. Близ радких камней разгораются настоящие сражения: звери дерутся за право погреться на солнце, не вылезая из воды.

Шум, крики, гомон не стихают круглые сутки. Голоса котиков сливаются с отвратительными криками кайр: «Эр-рр, эр-рр!» Птиц здесь так много, что скалы камушки сделанными из колыхающейся серовато-белой массы.

Когда с севера начинает тянуть холодом, птицы собираются в теплые края. Необычайно интересна картина приготовления в путь.

Еще не умеющих ни летать, ни плавать птенцов старшие stalkивают со скал к берегу. На пляже птицы выстраиваются в две шеренги. Поконые на лингванов, они долго сидят на лапах, настороженно следя за ревущими котиками. Потом мать ведет птенца к воде. Он явно желает избежать первого купания, но кайра крыльями подталкивает его до тех пор, пока набежавшая волна не подхватит птенца.

В летние месяцы на острове Тюленьем живут люди, которые наблюдают за поведением животных. Начальник промысла Георгий Деметьевич Поляков, изучающий котиков уже десятки лет, заносит в специальный журнал все события, происходящие на острове.

Но наблюдения — это только часть работы. Главное — промысел. Он требует упорства, смелости, энергии. Нужно иметь большую сноровку, чтобы на рассвете по тонкой полоске песка отрезать ревущему стаду дорогу к морю и направить зверей в специальный загон.

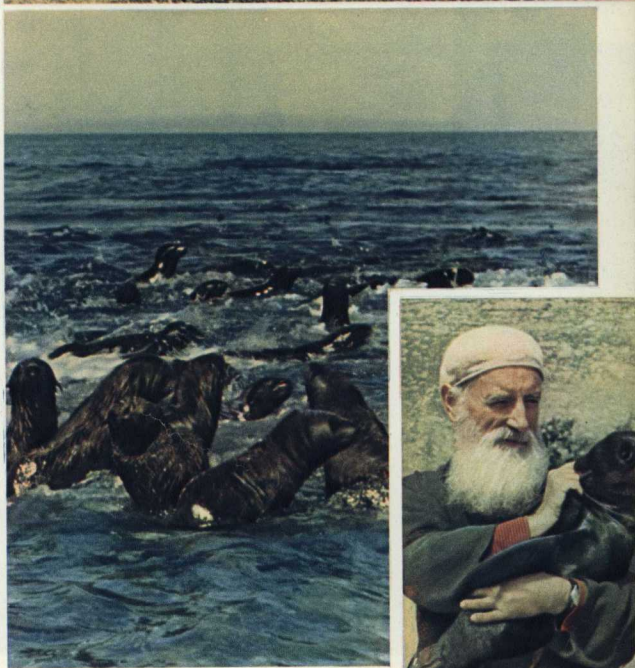
Ежегодно сейнер вывозит с острова Тюленьего тысячи ценнейших котиковых шкур. Их добывают двадцать молодых заводов под руководством старого алеута — мастера Константина Александровича Зайкова и бригадир Виталия Ванадиктовича Тимонкина.

Заводчи живут в маленьком, сколоченном из досок и покрашенном толем домике, к стенам которого море выбрасывает длинные ленты морской капусты, мелких крабов, моллюсков, сочные красные губки. Хороша вечерняя рыбалка на острове: на приманку клюют терпух — пуццовая рыба экзотического вида, — бычки, похожие на морских чудовищ, а иногда попадаются и крабы.

В августе промысел на Тюленьем заканчивается. Через месяц — другой остров совсем пустеет. Приходят шумные базары кайр, уходят зимовать к берегам Южной Кореи котики.

Лишь грозные осенние штормы омывают маленький островок, затерявшийся в морских просторах. А весной, когда солнце согреет воду и камни, здесь снова послышатся крики кайр и неутомляющие голоса котиков.

И. ЛИСОЧКИН

Земля заполярная. Линогравюры.

Дипломная работа Михаила Юдина. Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

ТАЖЕЖНАЯ БЫЛЬ

Вниз по Тымю по снежной целине мчится упряжка. Собаки еще не устали. Возбужденные свежей порошей, повзвизывая, они рвутся вперед, и на изгибах реки калюры приходится тормозить, чтобы не вылететь из нарты.

На Тымю падаетсеградусный мороз. В ивее ластеницы и тополя, спяны собак, торбазы, шапка, ушко, худощавое лицо кавра. Изгиб да изгиб, поворот на повороте, отступает Тымь. Вдруг нарта валится назад, и заезавшаяся кавр несколько метров валочится по снегу, потом вскакивает на нарту и опять погружается в раздумье: как-то встретит его отец? О чем говорить после того, что случилось в летний ненастный день на Тымю? Одна-ко жаль отца, пора мариьтся, пора жить вместе...

Пар вылет от упряжки, ледяной воздух режет позыри. Виктор Сагуну едет из Чир-увяда на берег Лувьского залива, к отку, которого не видел десять лет.

Да, почти десять лет прошло с тех пор. В 1946 году пять нивхских семей ушли из колхоза. Никто не проводил их. Рано утром в старом поселке Чир-увяда зазаяла собака. Нивхи погрузли на вертялые долбленки свои пожитки: чайники, кружки, шкурки, заваляли собак. Тучи гнили над потемневшей Тымью. Виктор приблизился к поля, когда отец с пятью собаками уже сидел в долбленке. Они даже не попрощались. Виктор хотел крикнуть: «Что делаешь, отец, подумай! Давай хоть поговорить!» — но не успел. Виктор долго смотрел в тот поперенни, куда ушла отец. Это было в тот же год, когда младший Сагуну поступил на трехмесячные курсы трактористов. Отец был против.

— Какой толк землю копать? — сердито говорил он. — Соболей ловить надо, рыбку ловить надо!

Но Виктор не послушался и уехал в Тымовскую МТС на курсы. Не только отцу не нравились профессия Виктора. И другие старвики из старого поселка Чир-увяда покочивали головами:

— Ой, как плохо Витка сделал!..
— Древний обычай запрещал нивхам копать землю. Земля послотит того, кто посмеет прикоснуться к ней.

— Однако врут старики! — стараясь перекрыть грохот мотора, кричал Виктор в жаркий летний день своему старшему напарнику Борису Тамаяке — первому трактористу из нивхов.

— Врут старики, — подтверждал Тамаяка и в тучах пыли разворачивая на углу поля трактор.

Отец ушел из жизни Виктора, его заменили чужие люди. Заезавшими курсами Федор Иванович Валейко и Борис Тамаяка научили управлять машиной и пахать землю, комсомольцы — читать книги и газеты, жить по-новому.

Все летние месяцы Виктор Сагуну пропал в поле. Он уже не мог жить без тракторной бригады. Пахал, ездил, переправлял через Тымь бочки с торфом, ездил в МТС. Пусто и неприятно показало в отношении дома, в старом Чир-увяде, когда однажды поздней осенью Виктор зашел туда. Едко пахло верищными шкурками, скрипели полозья. Да, почти десять лет прошло с тех пор. Виктор Сагуну заменил погибшего от руки хулиганов Тамаяку — принял тракторную бригаду, стал секретарем комсомольской организации, уважаемым в Чир-увяде человеком. Однако жаль отца, пора мариьтся, пора жить вместе.

— Весею бегут собаки. Всыуван язык, мчитса вперед вожак. Длинная дорога у Виктора Сагунуа. Хватит времени паразимслить о жизни...

Есть старый поселок Чир-увяда, и есть новый. По веснам Тымь заливает старый поселок, прилепившись на берегу, и люди лезут на крыши домов. Пожалуй, двадцать везет прошло уже с тех пор, как нивхи-кол-

хозники ушли на новое место, а старики так и не хотит уйти подальше от злой реки, попросится в колхоз. Ну, это старики, а Виктору Сагуну, хоть он и живет в старом поселке, все-таки больше нравится новый.

В старом — голубые следы на снежной целине и семь ветхих ивбушек. В новом — автомобильная дорога, по которой ходит автобус. В старом — старик. Парканы в срубленной из длыстика клетк кормит худого, угрюмого медведа. Говорят люди, медет

Виктор Сагуну.

Парканы, когда из Ленинграда приедет на каникулы дочка Роза, тогда будет праздник медведя. Но Роза Парканы училась в новом Чир-увяде и вряд ли согласится есть со стариками медведа. В новом поселке — комсомольские дела, колхоз, кино, библиотека. Все, все, что дорого сейчас Виктору Сагуну, — в новом Чир-увяде. От старого поселка до нового, если идти по-над Тымью, будет километра четыре. Хватит ходить туда по вечерам! Нужно быть в МТС суду, строить дом в колхозе и переносить отню. Но захочет ли он жить в Чир-увяде?

— В длинную и трудную дорогу едет младший Сагуну. Радиостро и тревожно у него на сердце. Все шире становится Тымь — кормилица савальских нивхов. Буднее и реже приближее леса.

День и еще день ехал Виктор Сагуну. А потом началась большая метель, и собаки легли в снег. Но каюр нивхам заставил их встать и погнать вперед. Еще день и ночь тонулась сквозь метель обессмысленная упряжка по Тымю, а потом по тайге. Далеко, очень далеко ушел старый Сагуну от сына!

Только на пятый день увидел Виктор живые дымки и услышал лай собак, потугившие чужих. Вот и берег Лувьского залива. Занесенные снегом ивбушки, неричиы туши на столах. Глухо, дикое место...

Виктору сидит в ивбушке отца и рассказывает о Чир-увяде, о том, что заезавала Тамара Урюк — теперь депутат областного Совета, что вдове Матриного нивхи недавно привезли дров, что в тракторной бригаде — две гусеничные и две колесные машины, что в колхозе строят новый скотный двор. Много новостей у Виктора. Нивхи сидят в кругу и молча слушают его. Редко бывают в Лувьском гости.

И как это люди научились железом управлять? — спрашивает незнакомый Виктору

старик с такой длинной и тяжелой трубкой в зубах, что его можно убиты собаку.

Виктор рассказывает, что есть машины и поумнее трактора, например, авксаторы... Старки толкуют головами качают.

— А в Лувьском какие новости? — спрашивает гость.

— Кеты ничне мало. Собакам не хватит кокалы. Хорошо, что есть перла...

— А для меня ни коровы, ни трактора не надо, были бы собаки да неричика, — вставил свое слово старый Сагуну.

— Что говоришь, отец, подумай! — возражает Виктор.

Его внимание привлекла обложка какой-то книжки, лежавшей в углу. Он протянул руку. «Повесть о Зое и Шуре». Как попала сюда эта книжка о героях? Наверное, ребята привезли с клубами и забаи.

...Он сидит на шкурах, подбирая под себя ноги, вокруг нивхского столика, еле возвышающегося над землей. Пьет чай, ест белую кокалу из таймена и рыбой студень. Крохотное окошко еле пропускает свет. Дым шипит следя в углу на корточках весь день молча сидит «мамка» — новая жена старого Сагуну; иногда она так же молча подует чай. Над ней она на веревках солит шкурки...

Неспешно и ивбушке Виктору. «Плохо живет отец, бедно живет, — думает он. — Так нивхи сто лет назад жили».

— Отец, поедом со мной. Будем жить в Чир-увяде!

Нет, старик Сагуну не поедет, он не может простить сыну, что тот нарушил ценный нивхский обычай. Отца держат в денках лета старое, над ним власть тайги, власть веков и бычаев.

Как можно жить здесь и целыми днями только и делать, что ловить рыбу, хотяться на нерпу и соболей, пить чай и курить трубку?

Старик рассказывает, что Виктор родился под травники шаваном, в тайге в тот год, когда нивхи со стобинца Чир-во впервые не ушли на Охотское побережье промышлять нерпу, а остались на Тымю. В тот год в стобинце пришел голубоглазый и веселый лоча¹. Звали его Енисей. Енисей нивхам тогда кочевал: летом ловил кету, зимой охотился на собаку и нерпу. Они жили в дымных ивбушках вместе с собаками и ели ту же кокалу, что и собаки. Голубоглазый лоча звал нивхский народ начать новую жизнь. Многие нивхи впервые узнали от него, что на свете есть Ленин.

Хороший человек был этот лоча! Он ел вместе с нивхами, изучал нивхский язык, научился управлять долбленкой. Он побил в словесных поединках шамана Пымку и сказал, что нужно корчевать лес и пахать землю.

Нивхи организовали колхоз и назвали его «Чир-увяда» «Новая жизнь». И только отец Виктора Сагуну, а также несколько стариков не вступили в колхоз, решили жить по-старому.

Нет, Виктор Сагуну пойдет по своей дороге! Слово Матриного дров не дороже отцовского слова, да и не надо, не одно. Дети лувьских нивхов-единиличников учатся на клубазе. Они, видно, уже прочитали эту книжку, прочтут еще сто таких и уйдут из Лувьского поселка.

— Три дня прожил Виктор в Лувьском, а его уже неудержимо потянуло к себе, в Чир-увяда. На четвертый день он вывел собаку, надел на них яллык. Радостно взвизывая, собаки лезли да и не давали Виктору прощаться с отцом. Вот Виктор отвявал тормоз от дровя.

— Та!

Но собаки и без того знали, что делать. Они взвизывали, бегали с пригорка, и в глаза лувьским нивхам ударила снежная пыль. Каюр беспрестанно торопил упряжку, кричал, размахивая тормозом... Подальше от Лувьского!

А. ПУШКАРЬ

¹ Лоча — русский.

Фото А. Мордасова.

Игорь Бордоко

Я фрезеровщик. Люблю свою профессию и горжусь ею. Советую вам, ребята, овладеть этим делом. Идальте не будете. Завод «Красный пролетарий».

ставлю девушку в тупик. Много ли она, окончивая школу, знала о таких профессиях, как слесарь, токарь, фрезеровщик? Да почти ничего, иди, в лучшем случае, представление ее было довольно примитивным.

Наши фабрики и заводы оснащены сложной современной техникой. Вы, конечно, слышали о станках-автоматах или автоматических линиях. Во много раз облегчают они изготовление деталей, повышают производительность труда. Станок сам подводит

Инна Кукушкина

По душе мне пришлась работа токарно-револьверщицы. Чувствую, занимаюсь настоящим делом. А ведь это очень важно: знать, что ты на своем месте. Завод «Фрезер».

к заготовке один инструмент за другим, сам поочередно выполняет необходимые операции, выдает готовую деталь и переходит к обработке следующей. Совершенно ясно, что наиболее полно освоить такую сложную, умную

Альбин Коломейчук

Работая слесарем-сборщиком. Трудная, но очень интересная профессия: в моем станке более тысячи деталей! Многого надо знать. Поэтому я и учусь в вечерней Машинностроительном институте. Завод «Фрезер».

технику и взять от нее все, что она способна дать, могут лишь люди, имеющие достаточную теоретическую подготовку и обладающие практическими навыками.

Посмотрите на квалифицированного рабочего, когда он трудится у станка. Вы заметите, что он очень редко прибегает к мускульной силе, что все его действия основаны на строгом расчете. Было бы странным стараться определить, где здесь «черный» и где «белый» труд, где физический и где умственный. Невольно в связи с этим хочется напомнить слова академика И. П. Павлова, который писал: «Всю мою жизнь я любил и люблю умственный труд и физический и, пожалуй, даже больше второй. А особенно чувствовал себя удовлетворенным, когда в последний вносил какую-нибудь хорошую деталь, т. е. соединял голову с руками».

Вот такая догадка — умелое ссоединение головы с руками — всегда присуща работе передовиков производства, новаторов.

Перед выпускниками технических училищ на производстве открываются безграничные просторы для самой интересной, самой увлекательной работы по совершенствованию механизмов, по созданию еще более мощной

Маргарита Михайлова

На заводе меня, молодого контролера ОТК, по-настоящему научили ценить время. В этом, собственно, и успех всех работ, значащихся в нем. Не трагит ли понапрасну ни одной минуты. Завод «Калибр».

техники. Они сумеют не только успешно применить свои знания, но и пойти вперед, проложить новые пути.

На заводе «Калибр» работает сейчас контролером ОТК воспитанница нашего училища Маргарита Михайлова. Девушка успевает за смену проверить 200 изделий, хотя по нее рекордной цифрой считалось 160—170. На «Фрезере» шлофовщица Гая Семенова выполняет емкостную норму на 200 процентов. Значительно перевыполняют план

Мои дорогие друзья!

Скоро два года, как в нашей стране открылись технические училища. Тысячи юношей и девушек за это время стали квалифицированными слесарями, фрезеровщиками, токарями. Они искренне и горячо полюбили свои профессии и теперь успешно трудятся на заводах, фабриках, стройках.

Воспитанников нашего технического училища № 9 вы встретите на московских заводах «Фрезер», «Калибр», имени Орджоникидзе, «Красный пролетарий» и других. Прежде чем они нашли свое призвание, им пришлось преодолеть немалые трудности. Некоторые училища и девушки на первых порах считали учебу в техническом училище и работу на производстве чем-то второстепенным, недостойным их, но со временем поняли свою ошибку. Об этом я и хочу поговорить с вами сейчас.

Мне вспоминается один случай из жизни нашего технического училища. Было это в первые дни учебы. На практических занятиях

Владимир Соколов

Приятно увидеть в металле спротиворечивую, тобою дельта. Ведь ты как конструктор-чертежник непосредственно участвовал в ее создании. Завод «Красный пролетарий».

мастер объяснял учащимся принцип работы токарного станка. В стороне стояла девушка и рассеянно слушала его. Обстоятельно рассказал все, мастер попросил девушку включить станок. Нужно было просто нажать кнопку. Девушка неторопливо подошла, осторожно протянула руку и толкнула кнопку так, словно это был кусок раскаленного металла. Кто-то по-дружески заметил ей:

— Кнопка не кусается!

Девушка, вспыхнув, ответила: — Я не затем кончала деловку, чтобы лязгнуть в зтом...

Такое пренебрежительное отношение к станку глубоко обидело мастера. Он даже побоялся и спросил девушку:

— Вы домой на чем поедете? — На трамвае.

— Дома у вас водопровод, электричество, газ?

— Да — недолго отвечала ученица. — А какое это имеет отношение ко мне!..

— А вот какое, — сказал мастер. — Тройнейбус, водопровод, электричество — все это сделали простые рабочие. В числе их были и токари. Они работали вот на таких же станках, на которые вы сейчас пренебрежительно смотрите, боясь запачкаться... Что бы вы делали, не будь людей, создавших для вас все блага: дома, электростанции, метро!..

Мастер, исчерпав все доводы, махнул рукой и отошел в сторону. Девушка покраснела от смущения...

Забегая несколько вперед, скажу, что девушка, фамилию которой, пожалуй, не следует называть, впоследствии изменила свой взгляд на труд. Она сейчас успешно работает токарем на одном из заводов. Но случай этот ярко говорит о том, что существует еще среди части молодежи разделение труда на «белый» — всякие инженерные специальности и «черный» — работа у верстака, за станком.

Это, конечно, грубейшее заблуждение. Оно возникло в результате годов укоренившегося мнения, что после десятилетия обязательного надо идти в университет, в институт, в любое другое высшее учебное заведение. А тут вдруг учить работать на станке! Ясно, что это сразу по-

В ЖИЗНЬ

Галина Семенова

Сейчас работаю шлифовщицей и занимаюсь в вечернем Машиностроительном институте. Новые успехи! Хорошие! Норвея выполнила не меньше чем на десять процентов и в учебе не отстаю.

Завод «Фрезер».

Фрезеровщицы Гаяя Федорова, Нина Кочеткова, токарь Инна Кукушина, слесари Альбин Коломейчук, Владимир Шипов и многие другие. Молодые рабочие, используя знания, приобретенные в средней школе и в техническом училище, теперь показывают образцы труда.

Наши учащиеся убедились и в том, что институт от них нискогда не ушел, не стал чем-то недосягаемым. Многие юноши и девушки сразу же после окончания

Владимир Шипов

увлекла меня очень работа слесари-ремонтника: каждый день новое узнаешь. Помогли и это дело и хочу изучить его до тонкостей.

Завод «Фрезер».

училища поступили на заочные отделения вузов. И, нечего грех таить, у некоторых резко изменились «вкусы». Тот, кто ранее выбрал институт по принципу «где конкурс меньше», сейчас выбрал тот вуз, который ему по душе. Тогда, два года назад, он просто «устраивался», а сейчас пришел в институт, глубоко осознав свои склонности и стремления.

Учатся в вечернем Станкоинструментальном институте Нина Панкина и Галина Кондратьева с завода «Брасный пролетарий». В Машиностроительном занимается Владимир Горынин. Там же учится шлифовщица с завода «Фрезер» Гаяя Семенова и слесари Альбин Коломейчук. В вечернем Инженерно-экономическом институте занимается Валя Виноградова, Света Лоденева, Валя Шкурина и многие другие.

Слов нет, нелегко работать на заводе и одновременно продолжать образование. Но эти трудности преодолимы, было бы желание, настойчивость.

Пройдут годы, и эти товарищи станут первоклассными инженерами. Именно первоклассными, потому что у тех, кто занимается без отрыва от производства, больше преимуществ по сравнению со студентами очных вузов. Посудите сами: все пять лет учебы в вечернем институте юноши и девушки будут тесно связаны с производством. А производство ведь не стоит на месте, оно постоянно растет, усложняется. Студент, имеющий возможность непосредственно следить за этим ростом и даже участвовать в нем, станет впоследствии наиболее зрелым, квалифицированным специалистом. Такой инженер сразу займет командное положение в цехе, правильно, творчески будет решать сложные производственные вопросы.

Грандиозные задачи стоят в шестой пятилетке перед советским народом. В эти годы появятся машины, станки, прессы, аппараты и приборы новых типов. Нашим заводам потребуются тысячи высококвалифицированных слесарей, фрезеровщиков, токарей, конструкторов-чертежников, специалистов многих других профессий. Замечательные перспективы открываются перед молодежью. Еще выше, еще почетнее станет труд на производстве, у станка. И хочется, чтобы это хорошо поняли вчерашние десятиклассники, те, перед которыми остро стоит большой и сложный вопрос: кем быть? Пусть задумается над этим каждый, кому предстоит в будущем выбор профессии.

Б. СОСКИН,
директор московского
технического училища № 9.

Эти девушки недавно окончили техническое училище № 9. Сейчас они работают на московском заводе «Фрезер». И с ними же: Галина Федорова, Нина Кочеткова, Инна Кукушина, Валя Шкурина и Юлия Южуркина в часы досуга в свире у Большого театра.

Даже по сравнению с самой маленькой радиолопной полупроводниковой усилитель кажется крошечным.

ЧУДЕСНЫЕ КРИСТАЛЛЫ

ПЛОХИЕ ИЗОЛЯТОРЫ И НЕВАЖНЫЕ ПРОВОДНИКИ

Редко кто не знает, что такое проводники и изоляторы. Все вещества в природе можно разделить на две группы: проводящие и не проводящие электрический ток — например, медь и резина, железо и фарфор.

Представим себе на минуту, что все известные вам тела превратились в проводники. Тогда невозможно было бы удержат на них электрические заряды: они рассеивались бы во все стороны, стекла бы и, наоборот, как вода связью невод. И бы их, нохот, если бы все вещества стали идеальными проводниками, то никакая сила не привела бы эти заряды в движение и нельзя было бы получить электрический ток вообще.

С первых дней практического применения электричества ученые и инженеры были озабочены созданием этих диэлектриков, противолопных по свойствам и назначению материалам. Из электротехники вчаски изгонялись полупроводники — вещества, которые не были ни хорошими проводниками, ни надежными изоляторами.

В мире использования электричества все обстоит благополучно, пока речь шла о нескольких или относительно небольших промышленных расстояниях. Из Ливны — 384395 километров — радиоволны пробегут туда и обратно за 2,6 секунды. Чтобы телевизионное изображение стало зримым, сигналы, на которых оно состоит, должны изменяться 12 миллионов раз в секунду. Как же в подобных случаях управлять движением электрических зарядов?

Тогда-то и возникла огромная отрасль науки и техники — электроника, которая имеет дело с электронами, лампами и приборами, применяющими и генерирующими, преобразующими и

главным образом усиливающими сигналы, передаваемые при помощи электромагнитных волн любой частоты.

Шло время. Усложнялись задачи управления сверхбыстрыми процессами, совершенствовались электронные лампы и приборы. Проводники и изоляторы во всех этих приборах играли несколько ограниченную роль: одни проводили ток, другие удерживали его в нужном направлении. И чем выше электронные приборы, тем привлекательнее казалась мысль: а почему нельзя устроить электрический покое с любой скоростью и в веществе самого проводника, не прибегая к электронным лампам? Ученые обратились к полупроводникам.

ЧУДЕСА В КРИСТАЛЛИЧЕСКОМ РЕШЕТКЕ

Способность проводников пропускать через себя электрический ток объясняется тем, что внешние электроны атомов этих веществ очень слабо связаны с явми, вследствие чего образуется большое количество свободных электронов. И достаточно приложить к проводнику ничтожно малое напряжение, как по нему потечет электрический ток, представляющий собой движение свободных электронов.

У изоляторов же внешние электроны атома довольно прочно удерживаются на своих местах. Свободных электронов здесь почти нет, и поэтому более или менее заметный электрический ток через изолятор проходить не может.

Совсем новую картину мы наблюдаем в полупроводниках, например, в кристаллах германия или кремния. Электроны у них хотя и связаны со своими атомами, но впрочем, примерно на в десять слабее, чем в изоляторах. Если такой кристалл идеально чист от примесей атомов других элементов, то при температуре, равной абсолютному нулю (-273°C), он

будет изолятором. Но по мере нагревания в нем появляются свободные электроны и возникает электрическая проводимость. Подобное явление называется также действием ультрафиолетовых, рентгеновских или гамма-лучей.

Однако самым замечательным в полупроводниках оказалось не это. Если к предельно очищенному германию или кремнию добавить строго ограниченное количество некоторых других, тоже кристаллических элементов (например, мышьяка, сурьмы, индия, алюминия), то характер проводимости в кристаллах резко изменится. Добавление одних веществ создает отрицательную проводимость, при которой отрицательные электрические заряды устремляются в одном направлении, а добавление других образует положительную проводимость, при которой положительные заряды будут перемещаться в противоположном направлении. Естественно, что кристаллы с такими проводимостями не будут обладать идеальной: все зависит от того, какое напряжение — положительное или отрицательное — действует на кристалл.

Соединяя вместе две пластины из кристаллов, обладающих разной проводимостью, можно получить удивительно простой выпрямитель, прерывающий переменный ток любой частоты в постоянный. Вводя между кристаллами с одинаковой проводимостью пластины с противоположной проводимостью, можно получить прибор, в котором небольшие изменения силы тока на одном этапе кристаллов вызовут многократное усиление напряжения на другом этапе. Получается кристалл, который фактически состоит лишь из трехлопной куска твердого тела.

Все, что раньше было доступно только электронной лампе и сложному электронному приборам: выпрямление, усиление, генерирование высочастотных радиосигналов, — оказалось под силу кусочку кристалла объемом в 0,3 кубического миллиметра!

«БОРЬБА ТИТАНОВ» В ЭЛЕКТРОНИКЕ

Электронная лампа хрупка и нежна, а полупроводниковый прибор выдерживает перегрузки и удары. Срок службы лампы в ответственных устройствах не превышает сотен, реже тысяч часов. Полупроводниковые же усилители могут работать до 10 тысяч часов и, возможно, еще больше: ученые просто не знают, сколько, потому что 70 тысяч часов прошло с момента изготовления первых таких устройств.

Самым большим недостатком электронной лампы является ее неэкономичность. Раньше этот недостаток замечался только в домашних условиях до оборудования таких устройств, как, например, современные электрические счетные машины, где число ламп доходит до 18 тысяч, а расходуемая энергия равна нескольким киловатт, волей-неволей пришлось задуматься над устранением этих затрат.

Полупроводниковые приборы позволяют как угодно экономить энергию, занимая площадь не только лампы, свести к объему несметанного стола, а расход энергии на ее питание сократить до нескольких ватт.

Одно время радиолопные конструкции радиоприемника, по-

мешавшиеся в портсигар, коробке из-под спичек и даже в скорлупе грецкого ореха. Применяли эти лампы и в авиации, но естественно, не шло ни в какое сравнение с фабричными приемниками, даже самыми слабыми. Используя же полупроводниковые приборы и в авиации, другие отрасли жизни современной радиотехники, наша промышленность разрабатывает настоящие многоламповый приемник размером с портсигар! Сейчас выпускается современный телевизор, собранный на полупроводниковых усилителях и выпрямителях, вместо обычных 300—400 ватт расходует не более 10—15 ватт (вместо расхода энергии на питание трубки), а его размеры могут быть уменьшены в два — три раза. В выпускаемых в настоящее время телевизорах часть радиолоп уже заменена полупроводниками.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ

ИЗ... КОСТРА

В 1821 году немецкий ученый Зеебек установил, что если кольцо, составленное из двух различных полупроводников, подогреть в местах спаива, то в кольце появится электрический ток. На основе этого открытия спустя много лет была создана термоэмкация, которые нашли широкое применение в науке и технике.

Представьте себе большую керосиновую лампу, на которую вместо абажура поставлен термоэмолятор. Обращенные к стеклу лампы нагреваются до 300—350 градусов, а противоположные концы полупроводниковых элементов, соединенные в виде термостата, охлаждаются наружным воздухом до 60 градусов. Образующиеся разности температур вполне достаточно, чтобы получить напряжение примерно в 100 вольт. Такие термоэмкаторы уже выпускаются нашей промышленностью.

Применяя к полупроводниковым элементам термоэмкаторы вместо ряда деталей применена «спечная схема», весит не больше 200—250 граммов, а термоэмкатор к нему — 250—300 граммов. Такой приемник без труда можно вставить в любой поход или экспедицию. Очень удобен он в районах, где еще нет электрической энергии.

Значение полупроводниковой термоэмкаторной лампы ограничивается. Как известно, ежегодно мы сжигаем больше 600 миллионов тонн топлива. Больше 75 процентов энергии тепла, выделяемой при сжигании топлива, расходуется неиспользованной. И вот представьте себе, что все окружающее нас предметы, излучающие без пользы тепло, вичина от заводской трубы и кончая домной, обложены со всех сторон дешевыми, удобными для установки термоэмкаторами, которые без особых затрат превращают в электрический ток. Миллиарды киловатт-часов, море энергии можно было бы получить таким путем.

Один квадратный метр очень тонких двойных пластин-кристаллов кремния или германия с разными проводимостями, если его облучить светом, способен давать до 100 ватт электрической энергии. Один гектар в пустыне, покрытый такими батареями, заменит электрическую станцию мощностью в 1000 киловатт, а квадратный километр — станцию в 100 тысяч киловатт.

Над всеми этими заманчивыми проблемами сейчас успешно трудится коллектив Института полупроводников Академии наук СССР, возглавляемый одним из крупнейших советских физиков, Героем Социалистического Труда академиком А. Ф. Иоффе.

АТОМНАЯ БАТАРЕЯ

В процессе цепной реакции деления урана больше 85 процентов энергии выделяется в виде тепла. Поэтому в настоящее время атомную энергию пока приходится использовать в виде тепловой электрической станции. Коэффициент полезного действия такой установки в лучшем случае не превышает 30—35 процентов. И людям, видимо, некоторое время придется мириться с тем, что самый мощный в природе источник энергии заключен в старую «теплоту». Но ученые уже давно начали поиски новых путей преобразования атомной энергии непосредственно в электричество.

Возникла такая идея. Если пластинку радиоактивного вещества, например, стронция-90, излучающего частоту бета-лучей (электроны), соединить с полупроводниковым выпрямителем, то каждый электрон, проходя через кристалл, будет «выбивать» из него по мере 200 тысяч вторичных, третичных и т. д. поколений электронов. Одновременно этот кристалл будет и выпрямлять электронный поток, пропуская его только в одну сторону, и получится батарея, которая способна давать электрический ток в течение примерно 24 лет! Один элемент ее не превисит по расчетам 403 тысячелетий, а напряжение его составит 0,5 вольта. Собрав такие элементы в большие батареи, можно получить источник энергии значительной мощности.

Самый сильный источник излучения энергии — ядерный реактор. Родилась мысль — окружить реактор все его вспомогательные устройства вместо бетонных стен батареями из полупроводниковых выпрямителей. Излучаемые реактором гамма-лучи и другие частицы будут удаляться полупроводниками; возникший электрический ток намного повысит коэффициент полезного действия реактора.

В Директиве XX съезда партии уделено особое внимание электрификации народного хозяйства и транспорта. Особо подчеркнута роль полупроводниковых схем в выпрямителях. Известно, что любой, самый эффективный преобразователь переменного тока расходует очень мало энергии вступит и очень велик по размеру. В отличие от него германиевый или кремниевый выпрямитель преобразует переменный ток в постоянный с несравненно эффективностью: 98—99 процентов, то есть почти не расходует энергии на себя. Кроме того, он занимает очень мало места. Полупроводниковый кристаллический выпрямитель — пластинка площадью в 100 квадратных сантиметров — способен при условии непрерывного охлаждения обеспечить постоянным током амперную мощность в 4 000 лошадиных сил!

Можно же конча переключать области науки и техники, в которых уже используются и будут применяться полупроводниковые приборы.

Кирилл ГЛАДКОВ

На берегу Адриатики.

ПО ЮГОСЛАВИИ

ИЗ ЗАМЕТОК ТУРИСТА

Горы, горы, горы... Не случайно в югославской песне так пронзительно поется: «Мы любим вас, горы твердые, и ваши ущелья, которые никогда не знали позорного рабства и оков...»

Наша машина движется по узкой дороге, которая врублена в сплошной хаос черно-серых скал. Изредка из-под каменистых глыб, как языки зеленого-желтого пламени, вырываются кустарники. Вот она, Черногория!

С высоты гор видны маленькие, почти круглые, как зеленые пятнышки, участки земли, огороженные высокой стеной из камней. Сколько человеческих рук, сколько поколений горнорабочих работало здесь, расчищая эти небольшие участки, отовсевая у гор земли! Мы видели людей загорелых, могучих, которые своими руками обрабатывают землю. Когда смотришь на этих людей, то становится понятным, почему Черногория никогда, даже во времена турецкого нашествия, не была под пятой врага. Сюда не могли пробиться турецкие завоеватели. Здесь, на голокоурильной высоте, горные черногорцы держали оборону.

ПАМЯТНИКИ ГОВОРЯТ

Нельзя забыть перевал Чакур. Вот автобус врезался в облака, пропал из них. Они лежали, как море, застывшее у наших ног, и только верхние слои пробивались сквозь облачную пелену зелеными конусами. Наконец машины вырвались на перевал.

У самой дороги стена из мрамора. На ней надпись, которую невозможно читать без волнения: «Здесь не люди зарыты в землю. Здесь зрел новый процесс свободы».

А под этими словами имена людей, сражавшихся на перевале Чакур за освобождение страны и погибших здесь: Светозар, Бранко, Радомир, Влашко, Лейко, Райко, Милка, Милана, Радомира, Милослава, Снежина, Веснина, Драгица, Лилана, Добрна, Верослава, Добрица, Зорька, Зорница. Сколько поэзии в бесмертном подвиге этих людей! Невольно

вспомнилась нечестная золотая надпись на плитке кладбища советских воинов в Белграде.

Вот надпись, простая и лаконичная: «Мишка-танкист. Кто он? Нет ни фамилии, ни вонской черты. Он сражался за этот город, за свободу братского народа. Югославские граждане, видимо, знали лишь его имя».

А вот надпись, которая не оставит безучастным любое сердце: «Под камнем этот позорный любовище друг друга Зинаида Чермак (русская) и Стево Сердар (серб)».

А вот еще одна надпись: «Здесь, под этой плитой, покоятся 110 бойцов Красной Армии и 200 бойцов Народно-освободительной армии Югославы, подорванные на улицах города. Братская могила, братская кура, которая скрепляет нашу дружбу на века. Два музея не позабыть».

ДВА МУЗЕЯ ГОРОДА НИША

В городе Нише находится памятник, много кому наваял пройти без душевного содрогания. Он

называется «Челе-Кула», что в переводе с турецкого означает «Башня черепов».

Бойца в мавзолей, мы действительно увидели башню, сложенную из человеческих черепов. У дверей надписи, поясняющая, почему такое странное сооружение возведено здесь: «Остановись, прохожий, перед тем, как ты войдешь в этот исторический храм! В этом здании находятся черепы людей Чегра. Откажитесь вонюру на зеленые холмы! Здесь бились сербы! За свою свободу бились они в 1809 году под руководством веналяльника Стефана Синджелича».

Мы узнали, что здесь разыгралась одна из трагических битв, в которой славные отставали свои невольничества, против турецкого ига. Для устрашения славян турки сложили этот страшный памятник «Челе-Кула».

В городе Нише есть и музей. Это музей партизанской борьбы, который особенно дорог нам, советским людям. Часами можно ходить по залам его, всматриваясь в фотографии героев, которые отдали свои жизни за независимость Югославы.

Фото В. Захарченко и М. Кузьмина.

На одной из улиц мандолинского селения.

Белград. Здание парламента.

Памятник советским и югославским воинам, павшим в боях за освобождение Белграда.

Кто-то из немецких фашистов сфотографировал группу партизан перед расстрелом. На снимке люди, полные энергии, ненависти к врагу, не сложенные пытками.

А вот фотографии советских воинов, идущих в обмундировке югославских партизанов по улицам города Ниша. Автоматы через плечо, шинельные скатки, плащ-палатки... А вокруг улыбки, улыбки сотен людей. Советские воины пришли сюда издалека, прошли пол-Европы, чтобы протянуть руку дружбы и помощи своим братьям.

О КРАСОТЕ

В водах Адриатического моря, как в чудесном зеркале, отражается портовый город Сплит. К набережным вплотную подходят

Доски почта, врезанная в тротуар одной из улиц югославской столицы.

парусные и моторные суда. Тут же разгружаются торговые пароходы. Грузами лежат зелень, красно-оранжевые и голубые рабы.

Город стоит на месте старинного дворца, в котором, по преданию, жил в третьем веке нашей эры римский император Диоклетиан. Дворец этот почти не сохранился, но по рисункам можно предстать величину сооружения. Когда идешь по улицам Сплита, видишь из мраморные колонны, до лежащего на городской площади вырезанного из гонимого нефрита сфинкса. Все это осталось от Диоклетианового дворца. Вот площадь, она окружена стеной. Здесь был когда-то гигантский зал дворца.

Мой югославский друг Нинко Попович сказал мне в день приезда в Сплит:

— Сегодня, субботним вечером, мы обязательно пойдём на площадь, и я вам покажу удивительное зрелище.

— Какое? — спросил я.

— Я вам покажу самых красивых людей Югославии.

И действительно, вечером на площади мы увидели, как нетопливо проходили по кругу юности и девушкам. Мы смотрим на их лица: да, действительно, как красивые народ Югославии! Парни широкоплечие, статные, девушки черноглазые и смуглые, с коротко стриженными волосами, в узких бронзах мускулового покроя, с яркими космками, наброшенными на плечи.

Хорошо гордиться красотой своего народа!

В АНДРИЕВИЦЕ

Мы идем по улицам Андриевиче, и, к сожалению, почти как снежный ком в оттепель, небольшая группа лиса обрывает со всех сторон спутники. Они расправляют языки в Советском Союзе, о том, как нам нравится Югославия.

Мы заходим в дом. Около камина стоит молодая женщина с большими, широко открытыми глазами. У нее на голове белый платок. Он затянут под самым подбородком так, что лицо кажется обрамленным белым треугольником (совсем как у нас в России!). Женщина рассказывает нам о том, что ее муж уехал в горы и вернется только после завтра.

— Вы ведь задержитесь до послезавтра, на прощанье ли? — с надеждой в голос спрашивает нас женщина.

Но мы, к сожалению, не можем задержаться.

— Муж так бы хотел поводить вас! Он сражался вместе с русскими воинами против фашистов! Он знает русский язык! — говорит она с гордостью.

Приходит сосед. И мы сидим за столом, окруженные веселыми, любпытными ребятами, и говорим о жизни, как говорят люди, понимающие друг друга. Долго тает беседа.

Наутро мы решили посетить школу Андриевиче. Яков Зиновьевич Кочичев — директор одного из крупных московских машиностроительных заводов — привез от советских пионеров подарки для югославских школьников.

Мы приходим в школу. Директор Милка Зегвич, в прошлом партизан, водит нас из класса в класс.

В самом большом классе собрались все мы вместе: приезжие, дети, учителя. Рисунки, аппликации, коллекции бабочек, книги и журналы наших московских пионеров — все это переходит в цепочку и любпытные руки школьников Андриевиче.

«НАС 200 МИЛЛИОНОВ»

Автобус бросает из стороны в сторону. Поворот направо, поворот

У самого моря раскинулся город Сплит.

влево... Все выше, выше поднимаемся мы к горе. И вот наконец каменный хаос сменяется ровным плато. Здесь расположено город Цетинье, бывшая столица Черногории.

В Цетинье много исторических памятников. Здесь находится известный музей Петра Петровича Негоша, крупнейшего поэта Югославии. Мы переходим из одного зала в другой, знакомимся с жизнью Негоша и поражаемся многогранности его интересов, глубине познаний и неутомимости творческих поисков. Мы склоняемся над дипломом Одесского общества любителей природы! в 1842 году это общество прислало письмо почетного члена Петру Негошу; читаем письма русского консула в Дубровник Еремия Галича, который был личным другом Негоша и оказывал немалую помощь братскому народу Черногории. Вот письма русских ученых и литераторов, адресованные этому большому писателю и государственному деятелю. Так же как в

Венгрии жизнь Шандора Петефи, так в Черногории жизнь Петра Негоша люди считают образцом, достойным подражания.

Когда мы вышли из музея, к нам подошел старик-черногорец в национальной одежде: в белых штанах и красном камзоле. На голове у него маленькая цилиндрическая бархатная шапочка с черной лентой из нитки. Он пригласил нас в траншею — местную столовую — выпить по стакану вина.

Мы говорили о дружбе наших народов, уходившей корнями в далекое прошлое. Нам особенно запомнилась фраза, которую любят повторять в Черногории: «Нас вместе с русскими как-нибудь 200 миллионов!»

СЛЕДЫ ВРЕМЕНИ

Мы выходим из гостиницы «Москва» и идем по улицам Белграда. Вспомогательные улицы, освещенные лампами дневного света, многолюдны.

На углу одной из улиц и каково-то переулочка на стене дома мы видим, поустаревшую надпись: «Смотрено. Мин мет. Спер Иванова, 1944 год».

Здесь сами когда-то советские солдаты с минисотделами.

Наше внимание привлекает бронзовая доска, вделанная в асфальт тротуара. На ней выгустыми буквами отлиты надписи в честь тех, кто восстанавливал мостовую главной улицы города.

Техники зваными улицами, над которыми сплели свои ветви каштаны и платаны, мы поднимаемся на холм, где стоит крепость Кемленберг. Возле крепости — Музей национальной обороны. Среди ржавых пушек и когда-то грозных танков весело играют ребята, и ветер треплет красивые ленты на венках вдовы памятника героям.

Отсюда видны весь город в легких дымах заводов, в зелени, в красной черепице. Отсюда видны долины, в которых строятся здания, поля, виноградники.

Отсюда видны места бывшей переправы через Дунай, где советские воины прошли через реку и вместе с патриотами Югославии освободили Белград от фашистских оккупантов. Это следы кровной, нерушимой дружбы наших народов.

И кажется, что отсюда видно само будущее югославского народа, строящего новую, светлую жизнь.

ПАНЧУК

Рассказ

Осенний дождь не переставая; порывистый холодный ветер гнал белые облака. Размытая земля обвалилась с бруствера окопов. Пекотящая стояла по колена в соломенной, холодной жюке. И все же никто не двигался с места: застывшие ноги словно вросли в землю, скрюченные пальцы не выпускали ружья. Солдаты были нацелены в любую минуту турки могли вылезти из своих нор...

Словно гневный призыв, над окопами прозвучал сигнал тревоги. Вздохи замигавшей край траншеи, встретил атакующих залпами. Затем офицеры приглушенно крикнули:

— Вперед, ребята!
Старшие сержанты, хрипло повторяя команду, полезли на бруствер, вслед за ними ринулись на врага капитаны и солдаты... Турецкие взводы дрогнули и откатились.

В слабом свете фонарей видно было, как стигают к траншеем промокшие, хмурые, но грозные в своем гнеше пехотинцы.

Когда обнаружение усталого, угнет-огорченного подচিতали потери: не хватало семерых солдат и одного капитана. Санитары тихо перелезли через бруствер и отпрявлялись на гробы. Все они вернулись, неся трех убитых и четырех раненых. Капитана не нашло.

Взвод, в котором служил этот капитан, забеспокоился.

Все знали, что лучшим другом капитана Флора был Гаврил Панчук — великан с такими добрыми сердцем, какого по всей Румынии слышали. Правда, кое-кто поговаривал, что Панчук велик телом, да мал делом, что голова у него тухлой набита. Но все это были дружеские шуточки, и первым над ним смеялся сам Гаврил, рожки-вады до ушей своей огромной роты был он к тому же большой затейник: как найдает на него смешливое настроение, так вся рота со смеху помирает.

Обычно Панчук начинал смеяться над длинным своим носом:

— Пропадать бы вам, братцы, будь у меня между глаз этой штукой. Такого носа — храни бог его, сердачного с, с хозаном вместе — не сыскать по всему свету. До турецких окопов на целых полчас раньше меня доберется. Какой же вам еще разведчик нужен?

Все пускались шутить по поводу носа Гаврила, пока не становилось тошно самому его владельцу. Тогда Панчук добродушно унимал насмешников:

— Да оставьте вы его в покое, хватит! Он и так длинный, довольно узнать его в разные стороны! Хорошим товарищем был Панчук, с ним никогда не случался. В самую хурьку и ненастную погоду, когда шаром пронизывала до костей, он начинала балагу-

рить, и лица солдат прояснялись.

Но теперь Панчику было не до смеха. Тоска охватила его. Как знает! Может быть, капитан Флора погиб и санитары не нашли его: а то, может статься, угодила в самую гущу отступавших турок, и они поволокли его к своим окопам...

Солдаты переговаривались, строив разные догадки. Один Панчук молчал, словно какая-то тяжесть давила его, мешая ему думать и говорить. Вскоре смолкли и остальные.

Вдруг Панчук обратился к сержанту, сидевшему рядом:

— Как ты думаешь, господин сержант! Может, его плохо искал?

— Возможно, — ответил сержант. — Не пойму я только, что это тебе так разобдало. Ну, приятель он твой, допустим, так ведь на то и войско...

— Да не в приятельстве дело, — глухо ответил Панчук и, помолчав, добавил: — Пойду-ка поущу его.

Сержант pokrыл черным ухом, но ничего не ответил. Панчук под-

— А дело было так — сплевывая связку зубов, проговорил солдат: — Полюбил Панчуку девака, дочка нашего хурторнича и Пловца. Не то, чтобы так просто, а крепко полюбилась она ему. Поувалась он и дед Пловца дал свое согласие. Уже был створор, назначили свадьбу и стали бумагу справлять. А тут встает одняжды девака, ее Илники заели, и говорит: «Хоть убейте, тетя, а за Гаврила не пойду. Люб моя другой: Думитру, сын Костане Флория. Закричал отец, заголосила мать, что срамит они нас на всю деревню; избили ее до полусмерти, а девака одно твердит: «Нет и нет! Бейте, режьте меня на куски, убивайте — мне люс Думитру Флория!» Пошла тут шуметь деревня! А Гаврил и Думитру были побратимами. Да и я сам помню, как они вступались и клятвой связались; малыми ребятами еще бы-

Рисунки В. Трубиновича.

— Так вот он какой, Панчук-то! А я и не знал.

— А вы думали, он только шуточкой шутить умеет... Такого сердца ни у кого нету.

— Ну, а как же он ладит с женой Флория!

— Да как ладит! Ничего. Как знать, может, еще побьет ее чужая душа — потемки.

— Оно конечно, — сказал сержант, кинув головой.

У входа в траншею послышался голос. Потом раздались звонки шагов, шлепавших по грязи. В слабом свете фонаря показались лица дежурного офицера под черным капюшоном. Сержант вскомил на ноги.

— Сиди, сиди! — тихо сказал офицер, махнув рукой. — Ну, что скажете, ребята! Получили турки и на этот раз по заслугам!

— Как есть, господин подпоручик! — проговорил сержант.

— А как спится? Трудно, а! Сырость одолевает!

— Сыростью, правда, да что подделывал! Такая уж она, осень.

Офицер плотнее закутался в шинель и пошел дальше, скользя по грязи. На его пути то и дело раздавались окрики насовых. Потом, когда снова стало тихо, по траншее слышно просконьзнула мимо пехотинцев огромная тень Панчука.

— Ну, что! — шепотом спросил сержант.

— Нет его, — глухо ответил Панчук. — Все место боа обшарили ноту.

Оба замолкли. Гаврил Панчук поспешно присел на везанную прутья, подпер подбородок ладонями и мрачно уставился в пустоту. Первым прервал молчание сержант:

— Будь он тебе хоть брат родной, все равно ничего не поделаешь. Такая уж, стало быть, его судьба.

Литературная деятельность известного румынского писателя Михаила Садовяну началась еще в юности прошлого столетия. Он с детства пронизан любовью и трудолюбием к своему творческому труду. Садовяну верно служить народу. Его музыка творческую работу писателя сочетает с активной общественной деятельностью. Он заместитель председателя Великого национального собрания Румынской Народной Республики, председатель Восточного комитета защиты мира, председатель Совета румынских писателей.

Читателям «СМЕНИ»

От всего сердца желаю прекрасной советской молодежи побеждать на всех участках: в строительстве коммунизма, на культурном фронте, в борьбе за улучшение отношений между народами, за мир во всем мире.

Mikhail Sadoveanu

нялся. Кто-то тихим голосом посоветовал:

— Сперва доложи господину подпоручику.

Панчук кивнул головой, осторожно проскользнул мимо товарищей и исчез в темноте.

Снова в тишине послышался тихий голос:

— Господин сержант!

— Что тебе?

— Я одолевший капитана Флора и Панчука и знаю, в чем дело.

— Родичи они, что ли?

— Нет, господин сержант, тут другое. Девка одна замешана.

Словоохотливый солдат достал кисть, не спеша свернула цыгарку и вставила ее в турецкий мундштук.

ли, скотину пасши на серетских дугах. Что там между ними было, не знаю, одно только могу сказать: на дочери Пловца женился господин капитан Флор. И все это устроил сам Панчук. Редей души человек. Рассказывают, будто спросил он Флория: «Люба она тебе, брат Думитру?» «Люба!» «Как женишь же, брат, в добрый час!» А девака сказала было: «Слушай, Илники! Люба и тебе лучше жизни, но теперь опостыла ты мне, видеть не могу. Так лучше будет: иди за того, кто тебе дороже. Или, может, будь, побило оно по побратимам!»

Сержант прикинул от самокрутки пехотинца, потом задумчиво сказал:

— Жена у него осталась, де-ти... — с отчаянием прошептал Панчук.

— Бог милостив! Чай, найдется, кому за ними присмотреть.

— Нет уж, господин сержант. Не вернется Флора — конец и жене его.

— Ну и что с того? Помру муж, отчего же не помереть и бабе? Панчук покачал головой и промолчал.

— Уж лучше пойдн на боковую, — сказал сержант, — дай костям отдохнуть. Завтра, небось, новое всеселье начнется.

— Душа болит, места себе не нахожу.

— Да что с тобой, пареня? Закурншь, можеть! На-ка, бери, табачок турецкий.

— Не курю я, господин сержант.

Вдруг ночью тишину вставле-но прорезал еле слышннй про-тяжннй вопль:

— Братцы, родные-еве, не бро-сайте!

Панчук всколых.

— Это Флора, — прошептал он. — Турки его с собой давеча затасали, теперь он лежит около их окопов.

— Не думаешь ли ты, чего доб-рого, идтн туда? — спросил сержант, зевая.

— Пойду, господин сержант. А ты зарежуй его турки, уж такой у них обычай.

Барбачиш Ласкарраке поднял голову.

— Только на две затаски оставте, господин сержант, — сказал он. — А его не пускать, а то не вернется больше.

— Чего же его не пускать, — возразил кто-то. — Теперь, когда он услышал флорин голоса, почему ему не пойти!

Панчук подошел к фанарю, снял его, спрятал под шинелью и быстро направился в конец траншеи. Пехотинцы один за дру-гим стали подниматься. И снова послышался жалобный призыв:

— Не оставляйте, братцы!

— Знает турецкий обычай, по-тому и зовут на помощь, — про-бормotal сержант. — Хоть бы его

спас Панчук. Слушать тошно, как кричит!

Он встал и поднялся на гребень бруствера, за ним полезли и остальные.

— Эй ты, Ласкарраке! — шепнул сержант цыгану. — У тебя привычка как у удавчн, орать, словно какой зверь! Понимаешь, так отравляло тебе в салые стартеры. Смотри во все глаза и молчи!

— Так точно, господин сержант! — испуганно ответил барабанныйщик.

Погнулись томительные мину-ты. Стоя на валу, пехотинцы всматривались в темноту. Никакого движения. Слышны были только легкие шаги того, кто крадлся в темноте, да изредка жалобные стоны раненого, но они вскоре притихли.

Потом послышалось движение и в окопах неприятеля. Внезапно с непроглядной тьмы блеснул луч света.

— Фанарь Панчука, — еле слышно сказал Ласкарраке.

Со стороны вражеских окопов плеснул огонь и раздался короткий треск выстрелов.

Огонек фанаря внезапно исчез, турки стрельбу прекратили; затем раздались голоса, слышавшиеся только вглуе удачу, словно кто утащивал землю. И снова наступила тишина.

Чужое око солдата уловило звук торжественного шага. Фигуры спускались с парашют и вскоре увидели громадную фигуру Панчука, несшего какой-то груз.

По окопу, словно шестел ветер, пронеслась весть: «Вышел!»

Панчук приблизился к своему месту и устья раненого. Левой ру-кой он достал из-под шинели фанарь и положил его в заголовье карапла. Лицо Флоры было бледно-зеленым под глазами, виднелись черные круги, но сквозь при-крытые губы проходило горячее дыхание жизни.

Гарья и Панчук отер рукавом шинель крупннми каплями пота со лба и уставился на спящего друга.

— Что, брат, пойдешь в лазарет?

Каптал приоткрыл глаза, но тут же закрыл их.

— В лазарет хочет, — тихо про-молвил Панчук, — да я уж понести его не могу...

И вдруг Панчук пошатнулся, при-жав руку к правому боку. Из-под его шинели струилась кровь, сте-кая по брюкам и сапогам в жест-кую грязь.

— Помогите, братцы, — испуган-но закричала Ласкарраке. — Поми-рает!

Он интуивно поддержать голову Панчука, но тот уже не дышал. Недалеко было: великим вытнул-ся и умер, не проронив ни слова.

На следующий день период страшной промани, в котором горнолыс о изобретси смертельно раненого четьрнмя пулями рядового Панчука Гарья, вынесенного из-под неприятель-ских позиций карапла Флорой Ду-митрука. На грудь, в которой недавно еще билось бескитро-венное сердце героя, возложили орден «Воннской доблести» и у открытой могилы в которой он должен был спсть вечным сном, громко прочли приказ. Но Панчуку до всего этого не было никакого дела: он спал тихо, непробудным сном.

Сокращенный перевод с румынского.

Критика и библиография

БОРИС ПОЛЕВОЙ

Третья книга

Твой Современник

Монтажник-верхолаз Петр Синицын разочаровался. Впрочем, нет, «разочаровался» — не то слово. Все было сложннее. Петр увидел с матчи высочайшей передачи целые отряды больших и сложных машин, он позавидовал людям, которые управляли этими гигантами, им. Вот у кого настоящая профессия! А он, Петр Синицын, только и знает, что ставить матчи, тянуть бесконечные провода...

Угасала любовь к делу, и это тревожило не только товарищей Петра, но и его самого. Но тут верхолазы поручили ответственное, опасное задание: подвесить между двумя береговыми опорами провода. Да где подвесить! Над рекой, на высоте ста метров. Напряженно работали верхолазы. Казалось, все в порядке, зада-ча решена умело. Но произошло неожиданное: за день до того, как по проводам должен был пойти ток, контролеры выяснили, что над серединой реки, на одной из фаз, провисел обрывок жнлыя провода. Это было страшное открытие. Опустить провод нельзя: открылось судорожество. Задержать сагуи линии — значит лишить энергию сотни тысяч ки-ловатных машин. Оставалось одно: найти человека, который взялся бы по проводам, виснщим над ре-кой, добраться до места обрыва и так, как встал над бездной, наложить бандаж.

Выполнить задание вылезал Петр Синицын. Он знал, что рискует жизнью. Но именно в этот момент в нем вновь пробудился гордость за свою профессию.

Петр проворно вскарабкался на вершину стальной матчи. Все ведали, как фигура его становилась все меньше и меньше. И вот он повис над рекой. Метр за метром продвигался все дальше и даль-ше, холодок страха подползал к сердцу. Вернуть? Нет. Вся строка следат за ним. Вот он добрался до обрыва жнлыя, на-ложил бандаж. Но силы иссякли. И вдруг Петр сорвался. Сотни метров упал в воду. Монтажник повис на монтерском поясе. Гудел ветер, а человек отдыхал, набирался сил. Вот он потянул-ся и, еще слабый, но уже уверен-ный в себе, вновь схватился за провод...

Так молодой верхолаз совер-

шил подвиг. Об этом ярко и живописно повелал в своей книге повестей и рассказов «Го-рячий чех» писатель Борис По-левоий. Книга эта вышла в Госу-дарственном издательстве художе-ственного литературы. Прочте-те, молодой читатель! С ее страниц перед тобой встает образ твоего современника — патриота, тру-женика.

Тема труда всегда привлекала писателя Бориса Полевоого. Его повесть «Горячий чех» на-писана еще до войны, но и сейчас она волнует, заставляет каждого читателя задуматься над жизнью.

Главный герой повести — моло-дой рабочий Евгений Сизов. Как-то так сложился его жизнь, что стал Евгений на инженеру дорож-ку: начал вынатыть, появлялся у него дурная компания. Каза-лось, еще невозможно — и покаты-ется пареь по наклонной пюскос-ти. Но вот настала война. Сизов приходит кузнец Лугузи. Это на-стоящий человек на заводе. Брига-да Лугузина занята на покое вагонных осей, доблесь рекорд-ного выработки. Лугузи предла-гает Евгению Сизову работать в его бригаде.

Обстоятельно, не пригланенная трудностями, писатель показывает, как с молодым рабочем Сизов начинает пробуждаться сознание собственного достоинства, вера в свою силу. Немного времени про-шло, и Евгений уже Лугузи, слыш-но незаметно, зашел в комнату, где жил Евгений Сизов. Но это были месяцы душевного обнов-ления Евгения.

Мы знакомимся с героем пове-сти, когда он, замеща бригадира, уехавшего в командировку, ставит вместе с бригадой новый трудовой рекорд. И мы верим, что Евгений уже способен теперь не собьется с пути. Труд в коллек-тиве воспитал его.

Эта мысль дорога писателю. Он воплощает ее в других сво-их художественных образах.

Достоинство рассказов Б. По-левоого заключается в их досто-верности, глубокой правдивости. Это в подлинном смысле слова «чужие рассказы», рассказы, которые из них просто посвящен-ные известным людям: знатому то-кару Павлу Быкову, ткачине Мари-и Рожковой, вальцовщику сто-лового шпатога Алексею Анра-нтюлю Ускову... Там же, где пи-сатель «додумал» жизненный факт, изменил или просто выду-мал фамалию, — присутствует все та же волнующая правда жизни, воссозданная художником.

Множество героев, замечатель-ных простых тружеников, запечат-ленных в рассказах и повестях По-левоого. У каждого из них своя характер, свои привычки, но их роднит одно — любовь к труду. Писателю удалось создать образ советского человека, человека ро-довка, беспреследно преданного работе. Одна из его книг так и называется «Советские люди», а другая — «Мн советские люди». И эти названия не случайны. Писатель живет одной жизнью со своими героями, он находит их в самой действитель-ности — прекрасной, богатой твор-ческими идеями и героическими свершениями.

К. АЛЕКСЕЕВ

ОТЕЦ

Рассказ

На рассвете прошел дождь. Утро выдалось пасмурное, теплое, совсем не октябрьское. Говорят, в такие дни снова начинают расти грибы.

Наша окрестность с беспорядочно разбросанными деревянными домиками почти сплошь занята огородами. Весной и летом их квадраты, выбегавшие на смену гору, буйно зеленеют. Сейчас они поблекли, поужали, низина и гора покрывшись бурим, с чернотой цветом. Тускло поблескивая, капли дождя лежат на кучках картофельной ботвы, на багрово-красных кустиках переставшего венчаться, на огурочных грядках, где изредка выскокши и снова промоченных желто-серых листьев кое-где виднеются спрятанные маленькие огурки.

У соседнего дома колют дрова. Под ударом топора разлетаются тяжелые замшевые плахи, наполняя воздух тонкими пранным запахом старого мореного дуба. Работают двое. Молодой рыжеволосый парень рубит быстро, ловко, словно совсем не тратя сил. Второй, высокий худой старик, заметно отстает. Стриная, выцветшая рубашка на его спине потемнела и, когда он наклоняется, мокро облепает сухие, острые лопатки.

Заметив меня, старик сгоняет колун в чурбак, выпрямляется.

— Закурить не найдется? Я протягиваю пачку «Беломора». Корызьми, плохо гнущимися пальцами старик вытаскивает папиросу, опускается на бревно. Дышит он часто, сильно и, видимо, рад случаю перевести дух. Присев рядом, я зажигаю спичку, подношу старику. Тугая, неразжатая папироска горит плохо, старик усиленно раскуривает. Папиросу он дергает, как цыгарку— тремя пальцами, его небольшая, тронутая зеленоватожелтым отливом белая борода вздымалась; из-под свисшейся на затылок овчинной шапки на лоб упали влажные, свалачившиеся косички седых волос.

Парень тоже подсаживается к нам, тянется к ланче.

— За компанию уж...

Папироска у старика разгорелась, но вот беда: он долго надсадно кашляет. На щеках выступают беспокойная краска, глаза затгивает влагой.

— Фу ты! — откашлявшись наконец и снова глубоко затгиваясь, говорит он.— Самосад будет позлее, а не такой душный. А эта сладкая да душная.

— Курить вам, наверное, не следует.

— Мне-то? — усмехается старик.— Сказал! Годика шестьдесят дышло. Поздний!

— А сколько вам сейчас?

— Седьмой доходит.

— Трудно вам вот так — с колуном.

— Знаю, трудно,— соглашается старик.— А куда денешься? Свое доживает надо. Позвал вот малого — пошли.

— Сын?

— Семен-то? Шабер, сосед.

— А своих детей нет?

— Детей? Нет.— Старик вздыхает и без всякой горечи говорит.— Давка была, померла. Баба тоже померла. Одну...

— А Никита? — спрашивает до сих пор молчаливый парень.

Старик наклоняется, тщательно принимает сапогом погасший огурок, нехотя переспрашивает:

— Что Никита?.. Давай-ка вон доить бы. Парень проворно встает.

— Сиди, дед, переодочи. А я постою, забить став.

— Погреей. Я, коли так, еще одну сплю. Можно?

— Пожалуйста.

Старик зурнывает, молча смотрит на парня. Рыжие волосы у того по мере движения то скатываются на затылок, когда он выпрямляется, то, когда бьет, падают огненной копной на лоб. Колун равномерно залетает и опускается, зеленеватым, замшевым плазом разгасаются, кажется, сами собой, открывая пахучую коричневую древесину.

— Вот,— задумчиво говорит старик,— тоже поменяется — и поминай, как звали. Отрезанный ломоть.

— А может, не уйдет?

— Это-то? Это, может, и не уйдет...

Я догадываюсь, что старик как-то по-своему, косвенно, отвечает сейчас на замечание парня, и пока раздумываю, как поудобней расприсниться, он просто, как это умеют только старые люди, говорит:

— Давеча ты про детей спросил. Сворал я тебе: сын у меня есть.

— Что, не с вами живет?

— Говорю — отрезанный ломоть.— Старик качает головой.— Растись, расти, от хворобы бережись, а на ноги встанет — и не нужен ты больше. Раз в год письмо, либо там депешу пришлеть, с праздником проздравят, и на том спасибо.

— Ну, помогать-то вам он помогает?

— Где там! Сам, сказывает, чуть оборачивается. Жена, дитя, квартира, слышь, дорогая...

— А кем он работает?

— Работа-то ничего, чистая.— Старик говорит спокойно, задумчиво, больше, кажется, сожалея о неустроенности сына, чем о том, что сын забывает об отце.— Студентов учит.

— Оч, что же, научный работник?

— Нет, сказывает, кандидат пока.

— Институт кончил!

— До войны еще кончил. В Москве. А опосля войны опять учился три года.— Старик с искренним удивлением смотрит на меня выцветшими глазами.— С чего бы так: учился, учился, а самому чуть на житье хватает?

Я не сдерживаюсь:

— Послушай, отец! Обманывает он тебя. Ведь он самое малое две — три тысячи в месяц получает!

Старик молчит, потом глухо спрашивает:

— А ты не врешь?

Я рассказываю, как обеспечены в нашей стране люди такого труда, горюю говорю:

— Надо подать в суд! Раз сам забывает, застав!

— Смотри-ка! Вон и Семен говорил, а я все сомневался. И присиди!

— Рублей пятьсот в месяц!

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТИХАМИ ПУШКИНА)

— Куда столько! — пугается старик. — Сотно там какую, и того будет. Много ли мне надо: на соль там, на табак да на праздник когда на четвертнику. Куда столько!

— Вот что, — решительно говорю я. — Сегодня вы здесь не кончите! Старик смотрит на гору дубовых плах, утвердительно кивает.

— Знаю, нет. Вон их сколько — две машины. К обеду вы завтра упрямитесь.

— Я сейчас поеду в город, а вечером напишу заявление в суд. Так этого нельзя оставить! — Нежже как-то, — неуверенно говорит старик.

— А забываете отца хорошею! — Да ведь это так, — кивает старик и в упор поднимает на меня уставшие глаза. — Пиши!

Вот и договорились! Через полчаса за отряпавшись по своим делам. Мои новые знакомые старательно работают. Один колует все так же ровно и методично взлетает и падает, разваливая дубовые плахи, второй, явно нагоняя упущенное время, частит, отскакивает и снова настойчиво бьет в железный торец.

Возвращаясь вечером. Гора дубовых плах заметно поубавилась, рядом выросла высокая длинная поленница. Старик сидит на бревнышке, потрескавшись самокруткой. Я сажусь рядом.

— Вот самосадам разлился, не хочешь? — А напарник где? — Где ему быть, снит. Намалася парень. — В сумраке раздается немаленький смехок: — Без чутка за двоих приходится...

Сырой теплый воздух плотен, недвижим. На небе ни звездочки, ни облачка, все эдакорну трепых серо-синей пленкой. Где-то горы незлобно брешут собику, тихонько всхлипывают гармошка.

Это единственные звуки, слышимые сейчас на окраине. Правда, вблизи слышно еще потрескивание крупинок самосада — чурки мои оба. Когда старик затихивается, алая точка самифрукты разгорается ярче и на какое-то мгновение освещает сосредоточенное его лицо, потом алый огонек туснеет, покрываясь пленкой, таинственно становится гуще, и фигура старика в низко наклоненной шапке и ватнике, высокая и согрбленная, становится похожей в густых сумраках на большую диковинную птицу, неподвижную и усталую.

Но, отцу, рассказки немного о сыне: как завет, где работает. Сегодня же напишу заявление, а завтра пошел.

Самкрутка старика алет в этот раз особенно долго.

— Нежже жалобиться, а вот... не утерпал. — До поздней ночи, порвав с десятка листов бумаги, я пишу заявление в суд — первое в своей жизни. Не знаю, какое впечатление оно произведет на юристов, но один кандидат надежд, если у него еще осталась капелька совести, должен будет сорвет от стыда.

Просыпалось поздно. Заглядывая в окно и, свалившись набок перписанное заявление, выскочил на улицу. У соседей дворца выдвинулась длинная поленница, щепки и кора аккуратно подметены в кучу. Рыжеволосый парень и старик рассчитываются с хозяйкой.

— Что, уже кончили? — Все! — улыбаясь, показывает белые зубы парень. — Подчистую!

Пересчитав деньги, старик поднимает голову, и я ахаю: так осунулся за ночь его лицо.

— Вот, подово ему заявление. — Написал... Не протягивая руки, старик негромко, но твердо говорит:

— Не надо, парень. — Почему? Что случилось? — Да Бог с ним! — Старик смотрит на меня как-то спокойным, мудрым взглядом. — Бог с ним!

Старик быстро кивает, поправляет на спине котомку и идет.

Досидев до мизура рукой, спешит вслед и парень. «Что с ним поделеша?» — словно говорит его последний выразительный жест.

Опустил руку с заявлением, еще не поняв, в чем дело, и безотчетно вонуясь, я смотрю вслед своим случайным знакомым. По серой, осенней улице неторопливо и ровно, как всякий хороший ходок, плечо к плечу идут рыжий белошубый парень и высокий худой старик, проживший долгую жизнь и выращивший сына.

...Имяч наполнена гулом, Завязавшей стройкой, Оновет — кивает Герон «Руслана». И Ойетиня прокоидт Неслышной стпойи, И глаза поднимает Татына.

Я о чем Разговор этот самый веду, Очень нужен сегодня иоторий! Не хватает Вас в нашем Весеннем ряду На широтах зевных, На просторах.

Выходите из бронзы! К чему эта медь? К солнцу, С новыми песнями вместе! Ведь поэт, Он, что птица... Не воиет на петья Соловей Умирает без песни.

Не легло Вам давалась линая страна, При смечах ведь Труднее, конечно...

Вы писали гусиным пером — На века. А ведь это не просто: Вечность! Современники пишут И так и сик, Проголают новые транкты! У поэтов у наших Талант не иссяк, Да кронт их Безбожнич-редактор.

Как же можно Жинуть и кровь и плоть Превратить В одиобные тени?! Бригадир В оторос посылает полоть Того тех. Кто не портит растений!

И, глядишь, Пошатнулся поэт и обмяк, И из рук его Валится ручка... Лесорубу За то, что срубил молодичи, Полагается ирелная вбушка.

Поладает Оди, вот такой «интеллект», — Сильно дров Наломает за годы.

Ломка длетя — Она хороша для телег, Для телег! — Не для улья с медон! И в ней аиля, Понепчатившись несолько лет,

Отупел И порядком намучаса, Завывает о том, Что и он был поэт, Завывает голос, певучесть... Ведь бывает же так, Что поэт все поет, А ему отзываются глужо: Музыкант От неправильно сыгранных Незаметно лишается слуха...

Завывает о том, Что и он был поэт, Завывает голос, певучесть... Ведь бывает же так, Что поэт все поет, А ему отзываются глужо: Музыкант От неправильно сыгранных Незаметно лишается слуха...

Снова всё На редактора? Вот уж нет! Просто хочется, Чтоб уидали, Чтоб извечная тема: «Редактор-поэт» — Это две стороны медали.

Если леют Истерически слова, Если жинуть засоняет трактор, Здесь редактор не выиават,

Будь он Дважды и трижды редактор. Если тема, поэтика На нова. Если сердцем Строчка не согрета, Здесь редактор не выиават, Здесь вина самого поэта!

Говорю напрямик, В том сомнениа нет И не может быть «нашиши» И «вашии», — Виноваты и «дяди» И сам поэт, Что хромает поэзия наша.

Здесь уж, как говорится, Не тпнет Пегас. Не хватает огни, И поэту,

Если фаяля В душе у поэта погас, — Ничего Не поможет поэту! И когда бы спроси У редакторов Любимыи-теушый собеседник: А, скажите, Какую у нас больше стихов? То они бы ответили: — Стихи!

Хватит! Лирна наша Открыла глаза, Вся гудит, Как встревоженный улей. Не присядо поэту, Ни «середне» писать, Ни «идеть» поспради Двух ступей!

Разговоры о том, Что, мол, песни в душе, А стихи Где-то кем-то закаты, — Это тема для тех, Кто на момент уме, — Для литературных Настратов.

Не поверю, Чтоб солнцем наполненный стих, Полный свежести Стал, Не разнулся бы в сердце, Скругулился б, Чтобы не был нигде Налечатан!

Только надо повенеше Истаскианных слов, Профессионально «умелости», Только помнить о том, Что основа основ — В широте, В поэтической смеилости.

Не грешит в барабан Общак фраз и мест, Умилится «родною стороной», Потому что такой Огульныйи треск Вредно действует на перепонку.

Вы поймете, конечно, О чем эта речь, — Не о том, Чтобы хонить и неонить, Но ведь надо же, Надо же, Голосу надо ж беречь первоизданую свежести!

Вы поймете: На вы поэт! Нам ведь тоже Ночами не сплется. Вот как будто и ас.

Встает рассвет. ...Шелестит золотые страници...

Рисунки Е. Гурова.

ПРАЗДНИК
ПРИРОДЫ

Итальянский юмор

Недаром в народе говорят: «И рада бы весна на Русь веновать веноуило, а придет день — грокунет мукушкой, соловьям заляется, и лету за газуку забереется».

Именно так — в звонких соловьиных переливах, в глуховато-задумчивом мурманении мукушки, в буйном цветении лугов и березовых — пришло лето. Но у нас стихают разногласия птичий хор: наши летние гости отраздравили новоселье. Больше не заливаются sereneйши и невзрачнейши с виду шаровидно-соловьишка, радио рассыпает он теперь свои виноконколенатые трели. Скорю мы у нас не услышим ни мукушки, ни зяблика, ни соловья: в наших краях они обычно замолкают и середина июля. Но по утрам все еще переливается немалая флейта ноктюрна. Трудно увидеть эту стороннюю красивую птичку. Редко удается заметить ее яркочерную грудку и черные крылья. Издалека прильнула эта любительница тепла, поистине солнечная птичка, и недаром постоит у нас. Появившись после первых гроз, она у нас в августе покинет северные края, чтобы в далекую Южную Африку повладеть своими тропическими сорочидом — красоте наших березовых роц и смешных лесок.

Красная птичка-невеличка чечевича прилетела из Индии, а вообразилась козуде-козудой — анморороди — из Египта. Подобно большой стрелозе, сверкает он в лучах солнца над лесными ручьями. Недалеко от воды поселилась и синегрудая варакушка. Это она по ночам вводит в заблуждение наслоящихся у воды мукушек: по словесам, то малиновой пробует заглянуть, а то загудит или по-своему пошумит. Нет у нее собственной песни, чужими пользуется. За это завистли и презрив ее варакушкой. Мудит и нозодов, ночная птичка. Тоже хочет спеть, да не может. Вот и скрипит непонятно, а то взывает и гулко крыльями захлопывает. А во рини до самого рассвета неутомимо повторяет свое неизменное «плит-пождем, плит-пождем» перелет.

Немало стран выношил все эти птицы, спеша и нав на летнее жителство, многие повзвали в дорожке. Но еще больше интересного могли бы рассказать о виденном по пути в Россию коростель и коростель, о перелетном коростелье, о перелетном коростелье, о перелетном коростелье. Летать они не любят и пришли к нам через всю Европу поспешно. Инаяк нечелюп по спортивной хохле за нами не утонит.

Все это птичье население в дни первоначальной своей выношенности в мельничной радости: оно вновь у себя на родине, и наши края бедны от его отсутствия. А уже известно: кто где родится, тот обязательно туда прилетит на следующий год.

Не только птицы, но и некоторые звери недаром отраздравили новоселье в лесах Подмосковья: изюба в год охоты и ухаживания мы богатае природы. Мышенин летих недалеко от Москвитино вострае, только старонина наших лесов-доса, но и другого радчайшего величина — зубра. Поселился у нас и удивительный зверь — дальневосточный олень и его алтайский сорочид — марал, в рогах-пантах которого только в августе рождается Нову. Теперь в Подмосковье косули, дикие казаны, еноты и ушлящие ушлящие наши леса выкуски. Все эти животные заняты сейчас воспитанием потомства. Много не-

— Восьмидесятилетием юбилейной страны, лето в итальянском юмористическом журнале.

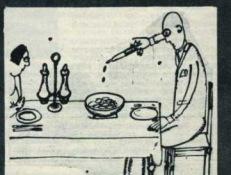
— Э, да вы здорово устроились, ребята! Наверку холодно, а здесь тепло!

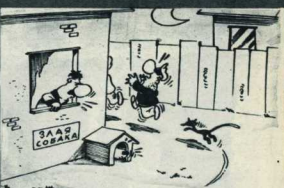
Браносочетание фоторепортажа.

— Сенсор, и вы должны покровительствовать своим собереяниям на развитие итальянской культуры!

Дорогое масло.

Без слав.

забываемых впечатлений момент получить каждый истинный любитель природы, осторожно наблюдая за ними. А выпадет удача — добудет для своего альбома редкие фотоснимки.

Жаркий июль — месяц выкармливания молодых птиц и зверей. Нигде не слышно выстрелов: по всюду полностью запрещена охота на все виды птиц и зверей. Только к злому хищнику, «серому помочинцу», мы беспощадны. Сейчас хорошее время для истребления волчьих выводков на логовах.

Июль — подлинный праздник нашей среднерусской природы. Крутом все цветет, растет, зреет, наливаются соки.

Все жарче греет солнце. Зацветает золотая роза, крутом засиде иван-чая. Созревают черника, бузина, черемуха, лесная малина. Из гнезд уже храбро вылетают птенцы, быстро приобретая самостоятельность молодые птички поколения. Отрелись пчелы. Все это значит, что кончилось перелетное.

Для рыболовов продолжается прекрасная пора утренних и вечерних зорь. Тихо плывут по небу облака, отражаясь в зеркале реки. Утром светит солнце, но оно не в силах пробить пышную листву склонившихся над водой деревьев. И самому берегу сбегают зеленый нобер с яркими пятнами ромашек. Изумрудно-синие стрелозы то и дело насают прозрачными крыльышками воды у самых поплавок. Вот один из них доругнул, пошла в сторону, затем затанцевала и вдруг исчез в глубине. Ест! Кто-то ирелио сидит на крышечке.

На быстрых поревах, песчаных и каменистых отмелях, в омутах и затоках ниня мостов и пристаней, в местах, где низко свисают к самой воде деревья, деринтся осторожный голавья. Жадно хватает он различных круглых насекомых: мушкет, бабочек, стрекоз, кузнечиков. Хорошо ловить сейчас голавья нахлыстом. Если он не наугад, стоит только упасть в воду насаде, как лесно уходит под воду.

Рано утром далеко кругом разносятся шумные всплески: это кругобитый красавец лещ, играя, выбрасывается из воды, испустив свечку, как говорят рыболовы. А если у самого берега закипит вода и, подобно серебряным брызгам, взметнется из нее малая рыба, это значит там охотится проморозившие хищники наших вод — омуль или щука. Не завая, подберись им ницца или блесну.

Идут на удочку плотва, красноперебристая, подлещик, мормыш, вятчатый ляз и линя. Только знать надо, как и на что их «звать»: рыбака лова, подобно охоте, требует немалой сноровки.

Июль — время увлекательных лесных и шлопачных походов по родному краю, увлечению у костра, время тесного общения с природой. Этот благоухающий, светозарный, омывый теплыми дождями месяц — поистине чудесная пора нашего короткого северного лета.

К. ВАЧНАДЗЕ

Два спортивных сезона в один день

...Снег так бы смыкается два спортивных сезона — зимний и летний. На склонах склонов еще тренируются горнолыжники, а у подножия, в горных районах, уже проводится кроссы легкоатлетов, на футбольных полях слышатся удары по мячу.

Фото И. Лисочкина.

Эти два сезона сделаны в один день. На них работают в городе Южно-Сахалинске и в окрестностях спортивный клуб «Юренин» — Гургений Бернин. На первый взгляд может показаться странным: в один день зимние и летние условия, — но такое своеобразное сахалинское приращение.

Снег в ущелье областного центра полностью сошел в начале апреля, и лыжники могут прогуляться в лесных летних костюмах. А над Южно-Сахалинском в это время еще свиреют боковые снежные вершины сопки. На одной из них расположенная горнолыжная база с полными комплексами трамплинов, трассами слалом и скоростного спуска.

Гургений Бернин — один из сильнейших спортсменов области. Вышедшей зимой он установил новый рекорд прыжка с 59-метровой трамплина — 46,5 метра, а во время соревнований на материке завоевал звание чемпиона Сибири и Дальнего Востока.

но поблескивающей дожде. По кругу слышатся неумные соловьиные трели. Услышь выходя на длинные всплески ряби. Коробка, по короткой пеньской ночи. Не успев ложиться запад, как алкой зарпуть выстрел. Костюм, Гладрыш начинает разговест, по-выражаясь слышны крики: «Южное море, туманом...»

Осторожно выловил третьей лещи. Вода была холодная на широчай серебряный подпол. Рыбын — захватка — битье лишь тогда, когда вырасывало ее подкачивало на бечки. Тановая пестрица тинной, она принятно холодит руку.

У меня удача, а у напарника ни одной поклевки. Не раз вода говорила ему: «Лови лещей на гаревый горюк или кутуртубу! А он — неважно на источку красных чертей. Обещал ему: чем больше леса и меньше крошек, тем лучше клев! — а он ичел и этих крошек. Атроном предпочитает толстые лодыжки леса и крошки, на которые можно смело ловить дурных жуков.

Ж.к. Рыбачев — захватка с совлавлением. — Опыт с кушлом домой ишущим.

Но иркут Игорь делает рекурро подкачку. Костюм, гибкое удильце сбегается в дугу, и тотчас следует вторая поклевка, но рыбаков едва не вылетает из лодки.

Наверное, выходящая щука — хрипло произносит от, андась до волнения.

Игорь кидает то в одну, то в другую сторону. Стоя на лодке, он выжидает. Игорь напоминает воину, сдерживающего бег разогнавшейся лошади. Наблюдая с глубиной в воздухе вылетающей стигматической птицы. Теперь ясно это подводный хищник — сом. После броска он сразу же вылетает на дно.

Постучи велом об лодку — советую я, зная, что сомы бьются стучая.

Лугосом раз — другая стучит в динце, и сом снова выпрыгивает на поверхность. Рыба делает еще два — три прыжка, и потом уходит вглубь, и плывущая сойка начинает кружиться по омуту.

Скитая динца все меньше. Наверное, вываживши на сил, подковырял веллан, устало попенелвывая хвостом, перевернулся на бок. Атроном тичельно потянул за удилище. Лодка и движущаяся на бок, Атроном стили сбегались. И замек: «Что же он думает летать?»

Игорь осторожно взял барок, замалудил в метком ударе, выволил его в голову хитрина. Рядился грозный всплеск, и Фонтан брызг осмыл рыбакова. В том же моменте лодка наворачивала, леска допнула, и со вместе с подбуром сорвался в глыбу.

— Ушел! — вскрикнул я.

— Нет! Теперь вы увидите, ответил атроном.

Он бистро погнал челик и берега. За лодкой тянулись прочная бечева, которая была привязана к рулю подбора.

...Вот в мелководье показались сосульцкая сплюснутая голова с длинными, будто рогами, глазами. На остином дом дал последний «бой». Однако подпой Вскоре, упрямо кивая, он лезал на прибрежном песке.

Почти двухметровое смалкое тело сома было покрыто зеленноватыми пятнами, леска динилое брело. Нащепленные темными чешуйками, на голове — глаза с острым торозом, зато несть так велика, что в нем можно было бы гонять мелководья.

П. СТЕФОРВ

ЗДЕСЬ ДЕТЯМ НЕ СКУЧНО

Раньше в доме № 85/97 по Момосильскому шоссе в Москве нередко можно было слышать разговоры о промахах ребят. То иго-игоду называл выслуш звонка и убежал, то мячом разобьет окно, то поковыряет высаженные во дворе молодые деревья.

Теперь таких жалко нет. Момосильская дома वाली нарисовали площадку. Они организовали комсомольский штаб, который ведет работу среди детей. Выглавляет штаб ученик 9-го класса 68-й школы Ювского района Борис Долов.

Рассело было во дворе полтора зимой. Ребята сами расчистили площадку, залили ее. Получились хорошие условия. На нем часто тренировались юные хоккеисты. Команда дома добилась отличного успеха — завоевала первенство района.

В зимние каникулы у детей была сразу две игры: на площадке и в катке. Другая в жарком уголке. В летние каникулы провели утренники, на котором была показана инсценировка «Сказка о рыбаке и рыбке». Они исполнили сами ребята.

Сейчас при красном уголке

же занимается несколько кружков. В кружке «Мелодия» играют дети и мальчики выплывают лобным, рисуют, лепят, участв. Голос, учить, петь. Рады за большим столом, уставленным шахматными досками, размытриваются бесценные турниры. В красном уголке козыбь скрывается бильярд, посматреть, те доводил. В соседней комнате тишина. Здесь читальный зал. Дети сами собрали библиотеку. На ней сейчас насчитывается около тысячи книг.

Много труда и энергии приложили комсомольцы, чтобы организовать интересный досуг детей. В этом полезном деле мастера активно помогают многие родители.

К лету ребята оборудовали военную и баскетбольную площадку, место для игры в голуби. Во дворе на газончик, посажены цветы.

Забот у ребят много. К У В Бюро комсомольского клуба лоджии и студенток, которые в следующем году, они решают вырастить стаю голубей, развести пчелы.

А. ЕВГЕНЬЕВА

Звезда летней ночи

Сумерки сходят на землю, мерещат росыный заплет, закигается первая звезда. Она дрожит в сиянии, как светлая огненная капля. Чем тучнее становится небо, тем ярче разгорается звезда. И вот уже она сияет полным блеском.

Это Вета — самая яркая звезда летней ночи. Ветюм вместе с несколькими более слабыми звездами образует созвездие Лыры. Название созвездия связано с древнегреческой легендой о певце Орфее, которого своим певцом, сопровождающим Лыру, похитила медуза. Орфей, пронзая всю природу, плакал, пытаясь вернуть к жизни мертвую Лыру. В конце смерти Орфей его золотую лиру — струнный инструмент — выбросило на небо. Вокруг волелись на небо, образуя созвездие Лыры. Наименование созвездия связано с именем Орфея, которого медуза похитила. Орфей, пронзая всю природу, плакал, пытаясь вернуть к жизни мертвую Лыру. В конце смерти Орфей его золотую лиру — струнный инструмент — выбросило на небо. Вокруг волелись на небо, образуя созвездие Лыры. Наименование созвездия связано с именем Орфея, которого медуза похитила.

гигантского волчка, оплывав на побесной сфере малый круг, и полосу медузы, но медузоном перемещается. Сейчас он находится близ альфы Малой Медведицы. Через пять лет вывед на близ звезды Южного полюса. В созвездии Лыры звезда подкапит к ней.

Самые далекие звезды почти молчаливо узнают, как далеко от Земли находится созвездие Лыры. Это случуно так удалось осуществить выдвинутом русскому астроному В. Я. Струве. Директору Пулковской обсерватории, Петербурга, в 1837 году он измерил расстояние, была Вета. Расстояние в Миллиарды миль оказалось настолько огромным, что измерить его было невозможно: примерно двадцать семь световых лет, или 257 триллионов километров, отстоит от нас наша звезда.

С осии Вета постепенно опускается к горизонту, а зимой на небо становится видной еще более яркая звезда — Сириус.

И. ИВАНОВ

На первой странице обложки: Сахалин. Холмский перевал. Фото В. Привезенцева. А. И. Четвертин обложки: Огонь из знаменитых сахалинских пастухов, ороч Дмитрий Иванович. Фото Г. С. Сидорова.

Богатый улов!

Фотограф И. Гусейнова.

Ночная схватка

В начале лета, с наступлением устойчивой, теплой погоды, на Прилипе начинаются ход лещей. У рыболовов-удильцов в эти дни горючая пора. Попасть на рыболового золотисто-бронзового красавца в пять-шесть часов совсем не так просто. Лещи хитры, пугливы, в засадах очень разборчивы.

...Теплая полночь. Раскинув по паре удочек, мы с атрономом Игорем Савиным ждем своего рыбацкого счастья. Я примостился на берегу моря. Попасть на рыболового золотисто-бронзового красавца в пять-шесть часов совсем не так просто. Лещи хитры, пугливы, в засадах очень разборчивы.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28/30.

Над № 549.

Заказ № 1634.

Тел. Д-34-24.

А 0586.

Подписано к печати 28/VI 1956 г.

Формат бумаги 70 x 108%.

Тираж 250 000 экз.

1,75 бум. л.—4,8 пол. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Свистун

По улице рослый детина
Шагает, бесечно свистя.
Пока он еще не мужчина,
Однако уже не дитя.
Ботинки большие, как лыжи,
Заносит вперед без труда.
Но если взглянуть поближе,
Найт он, не зная куда...
Решая на всех перекрестках,
Каким направлением пойти,
Рабочего вида подросток
Встречает свистуна на пути.
Смущенно свистуна одолевает,
Он тоньше танка по уму:
Покуда работают «предки»,
Ору заработав бы мист...
Что знает он? Два, три
мотива!

А что он умеет? Свистеть!
Навстречу веселые лица
Пропитанных солнцем ребят.
Удачей своей поделитесь
Все сразу они говорят:
Работать в кино негодимом
Мечтает любой, кто не трус.
В картине, приправленной
дымом,
Наверно, особенный вкус!
Романтикой этого рода
Нисколько свистун не пленен:
Выскажет в устной народ
Признав пренебрежимым он.
Студенты грубой по панаме,
Его обгонят, март.
Они по призванию сумели
Саме подобрать инстинкт.
Ребята мечты воплотили,
А этот гадает давно:
Стать режиссером, дирижером или
Известным артистом кино?
Сам выбор ему опрото, но
Но в нем огорчение нет.
Он думает, мир осчастливил
Своим появлением на свет,
Но мыслит он участи лучшей,
Пока обеспеченный он.
Вот так мимо жизни ипущей
Проходит бесечный свистун.
Покуда свистун не в обиде
На своей безветренной уде,
Но горько он чувствует, увидя,
Что юность свою проматривает!

Юрий БЛАГОВ

Басни

БРИТВЫ

Какою бритвою скорей
Лицо себе паронить можно?
Не той, которая острей,—
С тупою будьте осторожны.

Пустая не вызовет обид
И шутка в нашем разговоре:
Острота зла не причинит,
А тупость причинит горе.

СОБАЧЬЯ ФИЛОСОФИЯ

«Эх, дни тьмелые настали! —
Печально сетует Барбос.—
Всю жизнь мечтал познать свой
Хвост —
Не погляди, на подержали...»
Барбос на мир взирал косо,
Взвизгив о том, что жизнь
пусть...
***

Мировоззрение Барбоса
Зависит от длины хвоста.

АВТОРИТЕТНЫЙ ПЕРЕЛЕТ

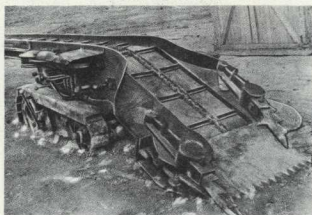
Нередко, истине во вред,
Готовы мы в любовь поверить.
И шутка в нашем разговоре:
Когда исходит он из уст
авторитета...
***

Барбосовый Отчет
Полнился и перелетел
От сборника стихов
Известного поэта.
И вот, не выдвигая забот,
Прославился Барбосовый Отчет.
В чистотах и энграммах
размножен.
И что давно истерся перелет,
Барбосовый Отчет
Попрежнему живет
И даже, говорят, на музыку
положен.

Ф. КРИВИН

г. Ужгород.

Не тот пейзаж...

Дорогой Дител!

Недавно я был на Сахалине. Летел над этим чудесным краем, и груду мою распырало восхищение: чудо, а не земля!
Но вот однажды попал я в город Невельск, прямо на мезелендорскую станцию. Иду и вижу: лежит в грязи врубная машина. «Что это? — думаю. — Для молодежных бригад на шахтах не хватает новейших механизмов, а тут брошена новенькая врубная машина! С ней еще красна не сошла, а кто-то ухитрился отвинтить гайки, на грузила, наварено».

Возмущился я, конечно, запечатлел все это на пленку. Иду дальше — мешки с суперфосфатом. Раскрыл аппарат и опить сфотографировал. Только хотел поплакать на обывки видеть — опить гора мешков один — мукой, другие — с осом. Курочки возле них ходят и зерна подламывают. Ворвался я в помещение товарной станции. «Что здесь начальники?» — кричу. Выходит навстречу старший товарный кассир Новоселов Илья Алексеевич. Узнал он о цели моего визита, очень обрадовался. «Безобразия! — говорит — Врубная машина, она ведь денег стоит, проехала сюда тысячи километров. До шахты, что в поселке Салызманы находится, рукой подать, приехал отсюда экспедитор тов. Попов, расписался в получении машины, и вот она уже месяц здесь вылетает. А суперфосфат прибыл для Невельского рыбзона (председатель правления тов. Шайман). Томе гибнет добро, а ведь база рыбзона совсем рядом. Что касается осы и муки, то это хозяйство Невельской базы Заготзерна (директор тов. Кононенко). Моете себе представить: 102 тонны муки и 28 тонн осы которую неделю под дождем монуть!»

Поговорил я с Ильей Алексеевичем и решил написать тебе. При сем прилагаю фотосвидетельство. Ты спросишь: а где на снимке суперфосфат, мука и осы? Ответчу фотографично, но ничего не вышло. Видно, у фотоаппарата выдержки не хватало смотреть на это безобразие.

Твой слеп. норр.

Рекорд

Огромный боров двадцати пудов,
Как будто бы гора между

Среди своих собратев

И славою своею возмужался

И зюгохники и живнотвод

Сладил, как он ест и как он

Ведь получил все время он

От всех отдельный рацион.

«За что тебе такая честь?» —

Его собратев вопрошали.

Ты можешь вдоволь пить и есть.

А мы совсем, беринги,

запощаши,

На гончих стали походить собак.

Все потому, что ходим

«Глушцы» — отделил натощак.»

На выставке я буду

представлять район.

Л, монет, ставлю областную

рекорд.

А за вас канэ здесь видят черт?

Потому сейчас

Начальству не до вас.

***

Читатель, конечно, не секрет,
Что от таких рекордов толку
нет.

Мих. АРТИЦЕВ

Полково имени Мичурина,
Чиваловской области.

КОМСОРГ СЧИТАЛ: МАССОВКА ПОДГОТОВЛЕНА ОТЛИЧНО...

...НО ПОЛУЧИЛОСЬ ВСЕ КАК-ТО НЕ ТАК.

Рис. В. Фомичева.

Цена номера
2 руб.

